

САМОУБИЙЦА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Подсекальников Семен Семенович
Мария Лукьяновна, его жена
Серафима Ильинична, его теща
Александр Петрович Калабушкин, их сосед
Маргарита Ивановна Пересветова
Степан Васильевич Пересветов.
Аристарх Доминикович Гранд-Скубик
Егорушка (Егор Тимофеевич)
Никифор Арсентьевич Пугачев, мясник
Виктор Викторович, писатель
Отец Елпидий, священник
Клеопатра Максимовна
Раиса Филипповна
Старушка
Олег Леонидович
Глухонемой
Цыганки
Цыган
Пьяницы
Официанты
Люди из «вечности»
Старушки

Зинка Падеспань, Груня, хор цыган, два официанта, модистка, портниха, два подозрительных типа, два мальчика, трое мужчин, церковные певчие — хор, факельщики, дьякон, две старушки, мужчины, женщины.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в квартире Семена Семеновича. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На двуспальной кровати спят супруги Подсекальниковы — Семен Семенович и Мария Лукьяновна.

Семен Семенович. Маша, а Маша! Маша, ты спишь, Маша?

Мария Лукьяновна (*кричит*). А-а-а-а-а...

Семен Семенович. Что ты, что ты — это я.

Мария Лукьяновна. Что ты, Семен?

Семен Семенович. Маша, я хотел у тебя спросить... Маша... Маша, ты опять спишь? Маша!

Мария Лукьяновна (*кричит*). А-а-а-а-а...

Семен Семенович. Что ты, что ты — это я.

Мария Лукьяновна. Это ты, Семен?

Семен Семенович. Ну да, я.

Мария Лукьяновна. Что ты, Семен?

Семен Семенович. Маша, я хотел у тебя спросить...

Мария Лукьяновна. Ну... Ну, чего ж ты, Семен... Сеня...

Семен Семенович. Маша, я хотел у тебя спросить... что, у нас от обеда ливерной колбасы не осталось?

Мария Лукьяновна. Чего?

Семен Семенович. Я говорю: что, у нас от обеда ливерной колбасы не осталось?

Мария Лукьяновна. Ну знаешь, Семен, я всего от тебя ожидала, но чтобы ты ночью с измученной женщиной о ливерной колбасе разговаривал — этого я от тебя ожидать не могла. Это такая нечуткость, такая нечуткость. Целые дни я как лошадь какая-нибудь или муравей работаю, так вместо того, чтобы ночью мне дать хоть минуту спокойствия, ты мне даже в кровати такую нервную жизнь устраиваешь! Знаешь, Семен, ты во мне этой ливерной колбасой столько убил, столько убил... Неужели ты, Сеня, не понимаешь: если ты сам не спишь, то ты дай хоть другому выспаться... Сеня, я тебе говорю или нет? Семен, ты заснул, что ли? Сеня!

Семен Семенович. А-а-а-а-а...

Мария Лукьяновна. Что ты, что ты — это я.

Семен Семенович. Это ты, Маша?

Мария Лукьяновна. Ну да, я.

Семен Семенович. Что тебе, Маша?

Мария Лукьяновна. Я говорю, что если ты сам не спишь, то ты дай хоть другому выспаться.

Семен Семенович. Погоди, Маша.

Мария Лукьяновна. Нет уж, ты погоди. Почему же ты в нужный момент не накушался? Кажется, мы тебе с мамочкой все специально, что ты обожаешь, готовим; кажется, мы тебе с мамочкой больше, чем всем, накладываем.

Семен Семенович. А зачем же вы с вашей мамочкой мне больше, чем всем, накладываете? Это вы незадаром накладываете, это вы с психологией мне накладываете, это вы подчеркнуть перед всеми желаете, что вот, мол, Семен Семенович нигде у нас не работает, а мы ему больше, чем всем, накладываем. Это я понял, зачем вы накладываете, это вы в унижительном смысле накладываете, это вы...

Мария Лукьяновна. Погоди, Сеня.

Семен Семенович. Нет уж, ты погоди. А когда я с тобой на супружеском ложе голодаю всю ночь безо всяких свидетелей, тет-а-тет под одним одеялом, ты на мне колбасу начинаешь выгадывать.

Мария Лукьяновна. Да разве я, Сеня, выгадываю? Голубчик ты мой, кушай, пожалуйста. Сейчас я тебе принесу. *(Слезает с кровати. Зажигает свечку, идет к двери.)* Господи, что же это такое делается? А? Это же очень печально так жить. *(Уходит в другую комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Темно. Семен Семенович молча лежит на двуспальной кровати.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В комнату возвращается Мария Лукьяновна. В одной руке у нее свеча, в другой — тарелка. На тарелке лежат колбаса и хлеб.

Мария Лукьяновна. Тебе, Сенечка, как колбасу намазывать: на белый или на черный?

Семен Семенович. Цвет для меня никакого значения не имеет, потому что я есть не буду.

Мария Лукьяновна. Как — не будешь?

Семен Семенович. Пусть я лучше скончаюсь на почве ливерной колбасы, а есть я ее все равно не буду.

Мария Лукьяновна. Это еще почему?

Семен Семенович. Потому что я знаю, как ты ее хочешь намазывать. Ты ее со вступительным словом мне хочешь намазывать. Ты сначала всю душу мою на такое дерьмо израсходуешь, а потом уже станешь намазывать.

Мария Лукьяновна. Ну, знаешь, Семен...

Семен Семенович. Знаю. Ложись.

Мария Лукьяновна. Что?

Семен Семенович. Ложись, я тебе говорю.

Мария Лукьяновна. Вот намажу и лягу.

Семен Семенович. Нет, не намажешь.

Мария Лукьяновна. Нет, намажу.

Семен Семенович. Кто из нас муж, наконец: ты или я? Ты это что же, Мария, думаешь: если я человек без жалованья, то меня уже можно на всякий манер регулировать? Ты бы лучше, Мария, подумала, как ужасно на мне эта жизнь отражается. Вот смотри, до чего ты меня довела. *(Садится на кровати. Сбрасывает с себя одеяло. Кладет ногу на ногу. Ребром ладони ударяет себя под колено, после чего подбрасывает ногу вверх.)* Видела?

Мария Лукьяновна. Что это, Сеня?

Семен Семенович. Нервный симптом.

Мария Лукьяновна. Так, Семен, жить нельзя. Так, Семен, фокусы в цирке показывать можно, но жить так нельзя.

Семен Семенович. Как это так нельзя? Что же мне, подыхать, по-твоему? Подыхать? Да? Ты, Мария, мне прямо скажи: ты чего домогаешься? Ты последнего вздоха моего домогаешься? И доможешься. Только я тебе в тесном семейном кругу говорю, Мария — ты сволочь.

Мария Лукьяновна. ?

Семен Семенович. Сволочь ты! Сукина дочь! Черт!

Подсвечник вываливается из рук Марии Лукьяновны, падает на пол и разбивается. В комнате снова совершенно темно. Пауза.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В темноте в комнату входит Серафима Ильинична.

Мария Лукьяновна *(кричит)*. А-а-а-а-а...

Серафима Ильинична. Что ты, что ты — это я.

Мария Лукьяновна. Это ты, мамочка?

Серафима Ильинична. Ну да, я.

Мария Лукьяновна. Что тебе, мамочка?

Серафима Ильинична. Объясни ты мне. Маша, пожалуйста, почему у вас ночью предметы падают? А? Вы всех в доме так перебудите. Маша! А, Маша! Маша, ты плачешь, что ли? Семен Семенович, что такое у вас здесь делается? Семен Семенович! Маша! Я тебя, Маша, спрашиваю. Почему ты, Мария, молчишь? Почему ты молчишь, Мария?

Мария Лукьяновна. Принципиально.

Серафима Ильинична. Господи боже ты мой, это что же за новые новости за

такие? А?

Мария Лукьяновна. Пусть Семен говорит, а я говорить не буду.

Серафима Ильинична. Семен Семенович! А, Семен Семенович! Почему вы молчите, Семен Семенович?

Мария Лукьяновна. Это он из нахальности, мамочка.

Серафима Ильинична. Вы зачем же, Семен Семенович, пантомиму такую устраиваете? А? Семен Семенович.

Мария Лукьяновна. Сеня! Семен!

Серафима Ильинична. Семен Семенович.

Мария Лукьяновна. А вдруг с ним удар, мамочка.

Серафима Ильинична. Ну что ты, Мария. С чего это? Что ты, Семен Семенович!

Мария Лукьяновна. Я пойду посмотрю, мамочка.

В темноте раздаются осторожные шаги Марии Лукьяновны.

Сеня... Сеня!.. Мамочка!

Серафима Ильинична. Что случилось?

Мария Лукьяновна. Зажигай свечку.

Серафима Ильинична. Боже мой, что с ним?

Мария Лукьяновна. Зажигай свечку, тебе говорят.

Серафима Ильинична. Где она? Где?

Мария Лукьяновна. На полу она, мамочка, на полу. Шарь, мама, по полу. По полу шарь. Сеня, голубчик ты мой, не пугай ты меня, пожалуйста... Сеня... Мамочка, что же ты?

Серафима Ильинична. Я, Маша, ползаю, ползаю.

Мария Лукьяновна. Ты не там, мама, ползаешь. Ты у фикуса ползай, у фикуса.

Наступает тишина, затем что-то падает.

Господи, что это?

Серафима Ильинична. Фикус, Машенька, фикус.

Мария Лукьяновна. Я с ума сойду, мамочка, так и знай.

Серафима Ильинична. Обожди, Машенька, обожди. Я еще у комода не ползала. Мать пресвятая богородица, вот она.

Мария Лукьяновна. Зажигай ее, зажигай.

Серафима Ильинична. Обожди, Машенька, я сейчас. *(Чиркает спичкой.)*

Мария Лукьяновна. Я больше, мамочка, ждать не могу, потому что здесь ужас что делается.

Серафима Ильинична *(подбегая со свечкой).* Что же с ним? Что?

Мария Лукьяновна *(откидывая одеяло).* Видишь?

Серафима Ильинична. Нет.

Мария Лукьяновна. И я нет.

Серафима Ильинична. Где же он?

Мария Лукьяновна. Нет его, мамочка. И постель вся холодная. Сеня... Сеня... Ушел.

Серафима Ильинична. Как ушел?

Мария Лукьяновна. Так ушел. *(Мечется по комнате.)* Сеня... Сеня...

Серафима Ильинична *(со свечкой, заглядывая в соседнюю комнату).* Семен Семенович!

Мария Лукьяновна *(подбегая к кровати).* Свечку. Свечку сюда. *(Выхватывает у Серафимы Ильиничны свечку, ставит ее на пол, становится на колени и смотрит под кровать.)* Батюшки мои, у самой стенки! *(Лезет под кровать.)*

Серафима Ильинична. Что ты, Маша? Куда ты? Очухайся!

Мария Лукьяновна *(из-под кровати).* Я на улицу, мама, на улицу. *(Вылезает с дамскими ботинками в руке.)* Вот они. *(Начинает надевать.)* Подавай, мама, юбку.

Серафима Ильинична бросается к кровати, ставит свечку и снова бросается к комоду.

Свечку, свечку оставь. Стой, я сама. *(Останавливает Серафиму Ильиничну, подбегает к стене и срывает с гвоздя юбку.)*

Серафима Ильинична. Да куда же ты, Машенька? Бог с тобой.

Мария Лукьяновна. Воротить его надо, обязательно воротить. Он в таком состоянии, в таком состоянии.... Он в кровати мне даже симптом показывал.

Серафима Ильинична. Матерь божия!

Мария Лукьяновна. Знаешь что?

Серафима Ильинична. Ну?

Мария Лукьяновна. Вдруг он что-нибудь над собою сделает.

Серафима Ильинична. Что ж ты раньше, Мария, думала? Обувайся скорей. Обувайся.

Мария Лукьяновна. Кофту, кофту давай.

Серафима Ильинична. Слава господу богу — штаны.

Мария Лукьяновна. Что штаны?

Серафима Ильинична. Вот штаны. Раз штаны здесь, значит, и он здесь.

Мария Лукьяновна. А что, если он без штанов ушел? Он в таком состоянии, в таком состоянии...

Серафима Ильинична. Человек без штанов — что без глаз, никуда он уйти не может.

Мария Лукьяновна. Ну а где же он, мамочка?

Серафима Ильинична. Он, должно быть, по надобности.

Мария Лукьяновна. Вот он там над собою и сделает.

Серафима Ильинична. Как это? Что ты?

Мария Лукьяновна. Очень просто. Пук — и готово.

Серафима Ильинична. Мать пресвятая богородица!

Мария Лукьяновна. Как же нам быть теперь? А? Вдруг он...

Серафима Ильинична. Тише... Слышишь...

Мария Лукьяновна. Нет... А ты?

Серафима Ильинична. И я ничего не слышу.

Мария Лукьяновна. Господи, ужас какой! Я пойду постучусь к нему, мамочка. Будь что будет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мария Лукьяновна уходит. Серафима Ильинична обращается лицом к иконе и осеняет себя крестом.

Серафима Ильинична. Божии матери: Вутиванская, Ватопедская, Оковицкая, Купятицкая, Ново-Никитская, Арапетская, Псковская, Выдропусская, Старорусская, Святогорская, Венская, Свенская, Иверская и Смоленская, Абалацкое-Знамение, Братская-Киевская, Пименовская, Испанская и Казанская, помолите сына своего о добром здравии зятя моего. Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородица...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вбегает Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Дверь на крючке и не открывается.

Серафима Ильинична. А ты с ним разговаривала?

Мария Лукьяновна. Разговаривала.

Серафима Ильинична. Ну и что же он?

Мария Лукьяновна. На вопросы не отвечает и звука не подает.

Серафима Ильинична. Как же мы, Машенька? А?

Мария Лукьяновна. Я сейчас Александра Петровича разбужу. Пусть он, мамочка, дверь выламывает.

Серафима Ильинична. Александра Петровича беспокоить нельзя.

Мария Лукьяновна. Как нельзя?

Серафима Ильинична. Александр Петрович мужчина под впечатлением. Он на прошлой неделе жену схоронил.

Мария Лукьяновна. Вот и чудно, что схоронил: значит, он понимать теперь должен, сочувствовать. *(Подбегает к дверям.)*

Серафима Ильинична. Как бы, Машенька, хуже не вышло.

Мария Лукьяновна. Все равно, нам мужчина необходим. Без мужчины нам, мама, не справиться. *(Стучит в дверь.)* А не может быть, мамочка...

Серафима Ильинична. Что?

Мария Лукьяновна. Что, что, я не знаю что, мало ли что. Ты сходила бы, мама,

послушала. Вдруг он там зашевелится.

Серафима Ильинична уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мария Лукьяновна подбегает к двери.

Мария Лукьяновна (*стучит*). Александр Петрович... Товарищ Калабушкин... Товарищ Калабушкин...

Александр Петрович (*за дверью*). Кто там?

Мария Лукьяновна. Не считите за хамство, товарищ Калабушкин, это я.

Александр Петрович (*за дверью*). А?

Мария Лукьяновна. Это я, Подсекальникова.

Александр Петрович (*за дверью*). Кто?

Мария Лукьяновна. Подсекальникова, Мария Лукьяновна. Здравствуйте.

Александр Петрович (*за дверью*). Что?

Мария Лукьяновна. Вы мне очень необходимы, товарищ Калабушкин.

Александр Петрович (*за дверью*). Как необходим?

Мария Лукьяновна. Как мужчина.

Александр Петрович (*за дверью*). Что вы, что вы, Мария Лукьяновна. Тише.

Мария Лукьяновна. Вам, конечно, товарищ Калабушкин, не до этого, но подумайте только, товарищ Калабушкин, я одна, совершенно одна. Что ж мне делать, товарищ Калабушкин?

Александр Петрович (*за дверью*). Вы холодной водой обтирайтесь, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Что?.. Товарищ Калабушкин... А товарищ Калабушкин.

Александр Петрович (*за дверью*). Тише, черт вас возьми!

Мария Лукьяновна. Мне придется, товарищ Калабушкин, дверь выламывать.

Александр Петрович (*за дверью*). Ради бога. Послушайте. Стойте. Да стойте же!

Дверь с шумом распаивается.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

В дверях возникает Маргарита Ивановна, огромная женщина в ночной рубашке.

Маргарита Ивановна. Дверь выламывать? Интересное времяпрепровождение для молоденькой дамочки. Ах вы, шкура вы эдакая, извиняюсь за выражение.

Мария Лукьяновна. Это как же такое? Помилуйте... Александр Петрович!

Маргарита Ивановна. Вы зачем Александру Петровичу набиваетесь? Мы сидим

здесь в глубоком трауре и беседуем о покойнице, а вы дверь в это время хотите выламывать.

Мария Лукьяновна. Да я разве же эту хотела выламывать? Что я, жульница, что ли, какая-нибудь.

Маргарита Ивановна. Современные дамочки хуже жуликов, прости господи; так и ходят и смотрят, где кто плохо лежит. Ах, вы...

Александр Петрович (*высунув голову*). Маргарита Ивановна!

Маргарита Ивановна. Что тебе?

Александр Петрович. Если вы ее бить собираетесь, Маргарита Ивановна, то я этого вам не советую, потому что вы здесь не прописаны.

Голова Александра Петровича скрывается.

Мария Лукьяновна. Но, позвольте, за что же вы...

Маргарита Ивановна. А зачем вы чужого мужчину обхаживаете?

Мария Лукьяновна. Вы не так меня поняли, уверяю вас. Я же замужем.

Маргарита Ивановна. Понимать здесь особенно нечего — я сама замужем.

Мария Лукьяновна. Но поймите, что он стреляется.

Александр Петрович (*высунув голову*). Кто стреляется?

Мария Лукьяновна. Семен Семенович.

Александр Петрович. Где стреляется?

Мария Лукьяновна. Не подумайте лишнего, Александр Петрович, в уборной.

Голова Александра Петровича скрывается.

Маргарита Ивановна. Кто ж, простите, в уборной стреляется?

Мария Лукьяновна. А куда ж безработному больше пойти?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Из двери выскакивает Александр Петрович.

Александр Петрович. Так чего же вы, черт вас возьми, прохлаждаетесь? Надо что-нибудь делать, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Вот за этим я к вам и пришла, Александр Петрович. Человек вы воинственный — тиром заведуете, помогите нам с мамочкой дверь к нему выломать.

Александр Петрович. Почему же вы сразу мне этого не сказали?

Маргарита Ивановна. Что ж вы ждете?

Александр Петрович. Идемте, Мария Лукьяновна. Мы к нему подкрадемся и разом, Мария Лукьяновна. Только тихо... вот так... на цыпочках. Тс...

Мария Лукьяновна. Тс...

Возле самой двери внезапно раздается крик: «А-а!»

Все (*отшатнувшись*). Ой!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

В комнату вбегает Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Не ходите туда! Не ходите!

Мария Лукьяновна. Боже мой!

Александр Петрович. Что случилось?

Серафима Ильинична. Вы представьте себе, пожалуйста, там совсем не Семен Семенович, а Володькина бабушка с той половины.

Мария Лукьяновна. Что ты, мамочка?

Серафима Ильинична. Честное слово. Я своими глазами видела. Только что вышла. А я, Маша, как дура, стояла, подслушивала. Тьфу!

Александр Петрович. Получается ляпсус, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. В этом, мамочка, ты виновата. Я тебе говорила, что он на улице. Умоляю вас, Александр Петрович, побежимте на улицу.

Серафима Ильинична. Как же он без штанов — и на улице? Обратите внимание, Александр Петрович, что штаны его здесь.

Мария Лукьяновна. Человек перед смертью в штанах не нуждается.

Маргарита Ивановна. Все зависит от места, Мария Лукьяновна. Например, в центре города никому без штанов умереть не возволят. Это я гарантирую.

Александр Петрович. А скажите: вы в доме везде искали?

Мария Лукьяновна. Совершенно везде.

Серафима Ильинична. Разве только на кухне...

Мария Лукьяновна. Вот на кухне действительно не искали. Побежимте на кухню, товарищ Калабушкин.

Бросаются к двери. Маргарита Ивановна устремляется за ними.

Александр Петрович. Нет уж, вы не ходите за нами, Маргарита Ивановна, — мы вдвоем.

Убегают.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Серафима Ильинична, Маргарита Ивановна.

Маргарита Ивановна. До чего он любитель вдвоем уходить, это прямо психоз у него какой-то. Побежимте давайте и мы.

Серафима Ильинична (*бежит за ней*). Нет, зачем же. Послушайте. Стойте. Да стойте же!

*В этот момент в последовательном порядке раздаются: слово «стой»,
выкрикнутое Александром*

*Петровичем, грохот захлопнувшейся двери, визг Семена Семеновича и, наконец,
шум падающего тела, после чего наступает совершенная тишина.*

Маргарита Ивановна. Это что же такое? Царица небесная.

Серафима Ильинична. Кончен бал. Застрелился он, обязательно застрелился.

Маргарита Ивановна. Как же мы теперь? А?

Серафима Ильинична. Я сейчас закричу или что-нибудь сделаю.

Маргарита Ивановна. Ой, не делайте.

Серафима Ильинична. Я боюсь.

Маргарита Ивановна. Я сама боюсь.

Серафима Ильинична. Ой! Идут.

Маргарита Ивановна. Где идут?

Серафима Ильинична. Ой, несут.

Маргарита Ивановна. Что несут?

Серафима Ильинична. Ой, его несут!

Маргарита Ивановна. Ой, сюда несут.

Серафима Ильинична. Так и есть, несут.

Маргарита Ивановна. Ой!

Серафима Ильинична. Несут.

Маргарита Ивановна. Несут.

Серафима Ильинична. Чтой-то будет. Чтой-то будет.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Александр Петрович почти втаскивает перепуганного Семена Семеновича.

Семен Семенович. Чтой-то было? Чтой-то было?

Александр Петрович. Не волнуйтесь, Семен Семенович.

Семен Семенович. Вы зачем меня держите? Вы зачем... Отпустите. Пустите меня! Пустите!

Серафима Ильинична. Не пускайте.

Маргарита Ивановна. Держите его. Держите.

Серафима Ильинична. Где же Машенька? Маша где?

Александр Петрович. Маша ваша на кухне валяется.

Серафима Ильинична. Как валяется?

Александр Петрович. В крупном обмороке, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Ой, да что ж это будет? Святые угодники. *(Выбегает из комнаты. Маргарита Ивановна — за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Александр Петрович, Семен Семенович.

Семен Семенович. Виноват. Вы зачем же в карман ко мне лезете? Что вам нужно? Оставьте меня, пожалуйста.

Александр Петрович. Вы сначала отдайте мне эту штуку.

Семен Семенович. Что за штуку? Какую штуку? Нету, нету у меня ничего. Понимаете, нету.

Александр Петрович. Я же видел, как вы ее в рот засовывали.

Семен Семенович. Врете вы, ничего я себе не засовывал. Отпустите. Пустите меня, сейчас же.

Александр Петрович. Хорошо, я пушу вас, Семен Семенович, но вы дайте мне слово, Семен Семенович, что пока вы всецело меня не выслушаете, вы себе над собой ничего не позволите. Я как друга прошу вас, Семен Семенович, только выслушайте, только выслушайте.

Семен Семенович. Говорите. Я слушаю.

Александр Петрович. Ну, спасибо. Садитесь, Семен Семенович. *(Усаживает его. Встает перед ним в позу.)* Гражданин Подсекальников... Подождите минуточку. *(Подбегает к окну. Раздергивает занавеску. Нездоровое городское утро освещает развороченную постель, сломанный фикус и всю невеселую обстановку комнаты.)* Гражданин Подсекальников. Жизнь прекрасна.

Семен Семенович. Ну, а мне что из этого?

Александр Петрович. То есть как это что? Гражданин Подсекальников, где вы живете? Вы живете в двадцатом веке. В век просвещения. В век электричества.

Семен Семенович. А когда электричество выключают за неплатеж, то какой же, по-вашему, это век получается? Каменный?

Александр Петрович. Очень каменный, гражданин Подсекальников. Вот какой уже день как в пещере живем. Прямо жить из-за этого даже не хочется. Тьфу ты, черт! Как не хочется. Вы меня не сбивайте, Семен Семенович. Гражданин Подсекальников. Жизнь прекрасна.

Семен Семенович. Я об этом в «Известиях» даже читал, но я думаю — будет опровержение.

Александр Петрович. Вот напрасно вы думаете. Вы не думайте. Вы работайте.

Семен Семенович. Безработным работать не разрешается.

Александр Петрович. Вы все ждете какого-то разрешения. С жизнью надо бороться, Семен Семенович.

Семен Семенович. Разве я не боролся, товарищ Калабушкин? Вот смотрите, пожалуйста. *(Вынимает из-под подушки книжку.)*

Александр Петрович. Это что?

Семен Семенович. Руководство к игре на бейном басы.

Александр Петрович. Как? На чем?

Семен Семенович. Бейный бас — это музыка. Духовая труба. Изучить ее можно в двенадцать уроков. И тогда открывается золотое дно. У меня даже смета уже составлена. *(Показывает листок бумаги.)* Приблизительно двадцать концертов в месяц по пяти с половиной рублей за штуку. Значит, в год получается чистого заработка тысяча триста двадцать рублей. Как вы сами, товарищ Калабушкин, видите, все уже приготовлено, чтоб играть на трубе. Есть желание, есть смета, есть руководство — нету только трубы.

Александр Петрович. Это общая участь, гражданин Подсекальников. Что же сделаешь, все-таки надо жить.

Семен Семенович. Без сомнения, надо, товарищ Калабушкин.

Александр Петрович. Вы согласны?

Семен Семенович. Согласен, товарищ Калабушкин.

Александр Петрович. Значит, я убедил вас. Спасибо. Ура! Отдавайте револьвер, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович. Как револьвер? Какой револьвер?

Александр Петрович. Вы опять начинаете. Я же видел, как вы его в рот засовывали.

Семен Семенович. Я?

Александр Петрович. Вы.

Семен Семенович. Боже мой! Я засовывал. Для чего?

Александр Петрович. Вы зачем из меня идиота устраиваете? Все же знают, что вы стреляетесь.

Семен Семенович. Кто стреляется?

Александр Петрович. Вы стреляетесь.

Семен Семенович. Я?

Александр Петрович. Вы.

Семен Семенович. Боже мой! Подождите минуточку. Лично я?

Александр Петрович. Лично вы, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович. Почему я стреляюсь, скажите пожалуйста?

Александр Петрович. Что вы, сами не знаете?

Семен Семенович. Почему, я вас спрашиваю?

Александр Петрович. Потому что вы год как нигде не работаете и вам совестно жить на чужом иждивении. Разве это не глупо, Семен Семенович?

Семен Семенович. Подождите минуточку. Кто сказал?

Александр Петрович. Да уж будьте покойны, Мария Лукьяновна.

Семен Семенович. Ой! Уйдите. Оставьте меня одного. Вон отсюда к чертовой матери!

Александр Петрович. Вот отдайте револьвер, тогда уйду.

Семен Семенович. Ну вы сами поймите, товарищ Калабушкин. Ну откуда я мог бы его достать?

Александр Петрович. В наше время револьвер достать нетрудно. Вот Панфилич револьвер на бритву выменивает.

Семен Семенович. Неужели на бритву?

Александр Петрович. И задаром отдашь. Разрешения нету. Нагрянет милиция. Хоп. Шесть месяцев принудительных. Отдавайте револьвер, Семен Семенович.

Семен Семенович. Не отдам.

Александр Петрович. Ну, простите, пеняйте тогда на себя. Я физической силой его достану. *(Хватает его за руку.)* Все равно вам теперь от меня не уйти.

Семен Семенович. Не уйти? Ну, так знайте, товарищ Калабушкин: если вы моментально отсюда не выйдете, я сейчас же у вас на глазах застрелюсь.

Александр Петрович. Не застрелитесь.

Семен Семенович. Вы не верите? Хорошо. Я считаю до трех. Раз...

Александр Петрович. Ой, застрелится!

Семен Семенович. Два...

Александр Петрович. Я ушел! *(Пулей в свою комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Семен Семенович.

Семен Семенович. Три. *(Вытаскивает из кармана ливерную колбасу.)* Ой, куда же, куда ее положить? Где тарелка? *(Кладет колбасу на тарелку.)* Все как было. До смерти не догадаются. Ну, Мария, стой, я тебе докажу. *(Подбегает к столу. Начинает рыться.)* Я тебе докажу... как мне совестно жить на твоём иждивении. Ну стой. Докажу. Вот она. *(Вынимает бритву.)* Шведской стали. Отцовская. Эх, наплевать, все равно мне не бриться на этом свете. *(Убегает.)*

Голос Александра Петровича. Гражданин Подсекальников, я не выйду отсюда, дайте только сказать. Гражданин Подсекальников, вы поверьте мне на слово — жизнь прекрасна. Гражданин Подсе... *(Открывает дверь, просовывает голову, смотрит.)* Где же он?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Александр Петрович выходит из своей комнаты. Осматривается.

Александр Петрович. Там, наверное. *(Подбегает к двери.)* Гражданин

Подсекальников, чур-чура, не стреляйте, пожалуйста, я туда не войду. Гражданин Подсекальников, вас, наверное, удивляет моя назойливость, тем не менее я позволю себе еще раз, через стенку, обратить ваше пристальное внимание на то, что жизнь прекрасна. Гражданин Подсекальников...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Серафима Ильинична и Маргарита Ивановна втаскивают бесчувственную Марию Лукьяновну.

Серафима Ильинична. Что вы делаете? Что вы делаете? Ноги в руки возьмите, Маргарита Ивановна.

Маргарита Ивановна. Осторожнее, осторожнее.

Александр Петрович. Вы совсем обезумели. Для чего же вы женщину волоком тащите? Ставьте, ставьте ее на попа.

Серафима Ильинична. Ну, теперь расстегните ее.

Александр Петрович. С удовольствием.

Мария Лукьяновна. Кто здесь?

Александр Петрович. Все свои. Не стесняйтесь, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Где он? Что с ним? Он умер, товарищ Калабушкин?

Александр Петрович. Умереть он не умер, Мария Лукьяновна, но я должен вам честно сказать — собирается.

Мария Лукьяновна. Побежимте к нему.

Александр Петрович. И не пробуйте даже, Мария Лукьяновна, вы все дело изгадите. Он мне сам говорил. Если вы, говорит, мой порог переступите, я у вас, говорит, на глазах застрелюсь.

Серафима Ильинична. Ну а вы?

Александр Петрович. Я и так, я и сяк, и молил, и упрашивал — ничего не подействовало.

Маргарита Ивановна. Здесь приказывать надо, а не упрашивать. Вот пойдите сейчас, заявите в милицию, пусть его арестуют и под суд отдадут.

Александр Петрович. Нет такого закона, Маргарита Ивановна. К жизни суд никого присудить не может. К смерти может, а к жизни нет.

Серафима Ильинична. Где же выход?

Александр Петрович. В трубе, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Как в трубе?

Александр Петрович. Есть такая труба, Серафима Ильинична, труба бе, геликон, или бейный бас, в этом басы весь выход его и спасение.

Мария Лукьяновна. Для чего же, простите, ему труба?

Александр Петрович. Для нажития денег, Мария Лукьяновна. Если эту трубу для него достать, я могу гарантировать, что он не застрелится.

Серафима Ильинична. На какую же сумму такая труба?

Александр Петрович. Полагаю, рублей на пятьсот или более.

Мария Лукьяновна. На пятьсот? Да когда у нас будет пятьсот рублей, он тогда и без этой трубы не застрелится.

Александр Петрович. Это верно, пожалуй, Мария Лукьяновна.

Маргарита Ивановна. Нужно будет моим музыкантам сказать, пусть они ему трубу напрокат спротежируют.

Серафима Ильинична. Неужели у вас музыканты свои?

Александр Петрович. У нее в ресторане, Серафима Ильинична, грандиозный оркестр симфонической музыки.

Маргарита Ивановна. Под названием «Трио свободных художников».

Серафима Ильинична. Ради бога, голубушка, потолкуйте с художниками.

Мария Лукьяновна. Попросите у них.

Серафима Ильинична. И сейчас, не откладывая.

Мария Лукьяновна. Мы поедem к ним вместе, Маргарита Ивановна. Одевайтесь скорей.

*Маргарита Ивановна и Мария Лукьяновна
уходят в комнату Александра Петровича.*

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Александр Петрович, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Я боюсь, как бы он до трубы не того-с.

Александр Петрович. Раз вы здесь остаетесь, Серафима Ильинична, вы его до трубы отвлекайте от этого.

Серафима Ильинична. Чем же мне отвлекать?

Александр Петрович. Я вам так предложу, Серафима Ильинична. Вы ступайте на полном нахальстве в ту комнату и под видом, что вы ничего не знаете, начинайте рассказывать.

Серафима Ильинична. Что рассказывать?

Александр Петрович. Что-нибудь отвлеченное: про хорошую жизнь, про веселые случаи. Вообще юмористику.

Серафима Ильинична. Я такого не знаю, товарищ Калабушкин.

Александр Петрович. Я не знаю... Придумайте. Зять на карте стоит, Серафима Ильинична, это дело не шуточное. Расскажите ему анекдоты какие-нибудь, квипрокво или просто забавные шуточки, чтобы он позабылся, отвлекся, рассеялся, а мы тут подоспеем к нему с трубой — и спасли человека, Серафима Ильинична. Ну, идите, идите, не бойтесь, рассказывайте. *(Уходит в свою комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Серафима Ильинична, останавливается перед дверью.

Серафима Ильинична. Боже мой, что я буду ему рассказывать? Ну, была не была. *(Уходит в свою комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Входит Семен Семенович. Беспокойно осматривается. Вынимает из кармана револьвер. Вставляет в барабан патроны. Садится за стол. Открывает чернильницу. Отрывает листок бумаги.

Семен Семенович *(пишет)*. В смерти моей...

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Серафима Ильинична выходит из своей комнаты.

Серафима Ильинична. Нету. *(Заметила Семена Семеновича.)* Батюшки! С добрым утром, Семен Семенович. Ох, я случай какой вам сейчас расскажу. Обхохочетесь. Вы про немцев не слышали?

Семен Семенович. Нет. А что?

Серафима Ильинична. Немцы мопса живого скушали.

Семен Семенович. Какие немцы?

Серафима Ильинична. Вот какие — не помню, а только скушали. Это муж мой покойный у нас рассказывал. Еще в мирное время, Семен Семенович. Уж мы все хохотали тогда до ужаса. *(Пауза.)* Мопс — ведь это собака, Семен Семенович.

Семен Семенович. Ну?

Серафима Ильинична. Мопсов люди не кушают.

Семен Семенович. Ну?

Серафима Ильинична. Ну а немцы вот скушали.

Семен Семенович. Ну?

Серафима Ильинична. Все.

Семен Семенович. Что все?

Серафима Ильинична. Боже мой, что я буду ему рассказывать? А то тоже вот случай смешной, вроде этого.

Семен Семенович. Вы бы лучше ушли, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Вы со смеху помрете, Семен Семенович.

Семен Семенович. Не мешайте, я занят. Вы, кажется, видите.

Серафима Ильинична. Нет, вы только послушайте. Можете себе представить.

Был в военное время у нас в деревне пленный турок, в плену. Ну, конечно, контуженый. Нашим войском контуженный. Все, бывало, вот так головою трясет. Уморительно. Что тут делать? Придумали. Вот как вечер, сейчас же народ собирается, кто там хлеба, кто студня берет — и к нему. Ну, приходят, на студень, на хлеб показывают, говорят: «Хочешь есть?» Турку до смерти русского студня хочется, а не может по-русскому говорить. Только вскочит, от голоду весь заволнуется и сейчас же вот так головой затрясет. Будто «нет» затрясет. А народ только этого и дожидается. Моментально обратно всю пищу завертывает. Ну, не хочешь — как хочешь, и по домам. Ох, и смеху что было над этим турком. Что вы скажете?

Семен Семенович. Убирайтесь сейчас же ко всем чертям. Понимаете?

Серафима Ильинична. Что вы, что вы, Семен Семенович? А вот тоже был случай, при коронации.

Семен Семенович вскакивает, хватая ручку, бумагу и чернильницу.

Стойте, стойте. Куда вы, Семен Семенович? (*Бежит за ним.*) Александр Благословенный во дворцовом парадном жида прищемил.

Семен Семенович убегает в соседнюю комнату.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Серафима Ильинична одна, перед дверью.

Серафима Ильинична. Не рассеялся. Где же взять мне еще для него юмористики. Боже мой! (*Убегает за ним.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Из комнаты Александра Петровича выходят:

Александр Петрович Калабушкин, Мария Лукьяновна и Маргарита Ивановна.

Александр Петрович. Едем, едем скорей, Маргарита Ивановна.

Мария Лукьяновна. А не страшно нам Сеню одного оставлять?

Александр Петрович. Он же с тещей. Не бойтесь, Мария Лукьяновна, я ее научил.

Убегают.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Из соседней комнаты выскакивает Семен Семенович с чернильницей, ручкой и бумагой в руках.

Семен Семенович (*кричит в дверь*). Если вы еще раз мне про мопса расскажете, я с вас шкуру сдеру. Не ходите за мной. Идиотка вы старая. (*Захлопывает дверь. Подходит к столу, расправляет листок бумаги. Дописывает.*) Не винить. Подсекальников.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

То же комната, что и в первом действии. Все приведено в порядок.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Семен Семенович восседает на табурете с огромной трубой, надетой через плечо. Перед ним раскрытый самоучитель. В стороне на стульях Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Семен Семенович (*читает*). «Глава первая». Под названием «Как играть». «Для игранья на бейном басы применяется комбинация из трех пальцев. Первый палец на первый клапан, второй палец на второй клапан, третий палец на третий клапан». Так. «При вдутии получается нота си». (*Дует, снова дует.*) Это что ж за сюрприз за такой получается? Воздух вышел, а звука нет.

Серафима Ильинична. Ну, Мария, теперь держись. Если он в этом басы разочаруется...

Семен Семенович. Стой, стой, стой! Так и есть. Вот глава специального выпуска воздуха под названием «Как дуть». «Для того чтобы правильно выпустить воздух, я, всемирно известный художник звука Теодор Гуго Шульц, предлагаю простой и дешевый способ. Оторвите кусочек вчерашней газеты и положите ее на язык».

Серафима Ильинична. На язык?

Семен Семенович. На язык, Серафима Ильинична. Ну-ка, дайте сюда «Известия».

Серафима Ильинична подбегает с газетой.

Отрывайте.

Мария Лукьяновна. Поменьше, поменьше, мамочка.

Семен Семенович. Кладите теперь, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Что же, вам помогает, Семен Семенович?

Семен Семенович. И е-а е-е о-го-га-е, и-ай-е а-е. А-е, а-е и-ай-е, я-а го-го-ю.

Мария Лукьяновна. Что?

Семен Семенович. У-а.

Мария Лукьяновна. Что?

Семен Семенович. У-а, я го-го-ю.

Мария Лукьяновна. Что ты, Сенечка, говоришь, я, ей-богу, не понимаю.

Семен Семенович (*выплевывает бумажку*). Дура, я говорю. Понимаешь теперь?

Я по-русски сказал вам — читайте дальше. «Оторвите кусочек вчерашней газеты и положите ее на язык». Дальше что?

Мария Лукьяновна. Дальше, Сенечка, сказано (*читает*): «Сплюньте эту газету на пол. Постарайтесь запомнить во время плевания положение вашего рта. Зафиксировав данное положение, дуйте так же, как вы плюете». Все.

Семен Семенович. Прошу тишины и внимания. (*Отрывает кусочек газеты.*) Отойдите в сторонку, Серафима Ильинична. (*Кладет на язык. Сплевывает. Начинает дуть.*) Что за черт! Ни черта.

Серафима Ильинична. Кончен бал. Начинает разочаровываться.

Семен Семенович снова сплевывает. Собирается дуть.

Мария Лукьяновна. Господи, если ты существуешь на самом деле, ниспошли ему звук.

В этот самый момент комнату оглашает совершенно невероятный рев трубы.

Серафима Ильинична. Я тебе говорила, что существует. Вот пожалуйста, факт налицо.

Семен Семенович. Ну, Мария, бери расчет. Больше ты на работу ходить не будешь.

Мария Лукьяновна. Как же так?

Серафима Ильинична. А на что же мы жить будем?

Семен Семенович. Я заранее все подсчитал и высчитал. Приблизительно двадцать концертов в месяц по пяти с половиною рублей за штуку. Это в год составляет... Одну минуточку. (*Шарит в карманах.*) Где-то здесь у меня подведен итог. (*Вынимает записку.*) Вот он. Слушайте. (*Раскрывает записку. Читает.*) «В смерти мо...» (*Пауза.*) Нет, не то. (*Прячет. Вынимает другую.*) Вот он. Вот. Вот написано. «В год мой заработок выражается в тысяча триста двадцать рублей». Да-с. А вы говорите — на что нам жить.

Серафима Ильинична. Но ведь вы еще даже не научились, Семен Семенович.

Семен Семенович. Для меня научиться теперь, Серафима Ильинична, — раз плюнуть. (*Берет бумажку. Сплевывает. Дует. Труба ревет.*) Слышали? Через эту трубу, Серафима Ильинична, к нам опять возвращается незабвенная жизнь. Нет, ты только подумай, подумай, Машенька, до чего хорошо. Приехать с концерта с хорошим жалованьем, сесть на кушетку в кругу семьи: «Что, полотеры сегодня

были?» — «Обязательно были, Семен Семенович». — «А статую, что я приглядел, купили?» — «И статую купили, Семен Семенович». — «Ну, прекрасно, подайте мне гоголь-моголь». Вот это жизнь. Между прочим, я с этой минуты требую, чтобы мне ежедневно давали на третье выше мною упомянутый гоголь-моголь. Гоголь-моголь, во-первых, смягчает грудь, во-вторых, он мне нравится, гоголь-моголь. Поняли?

Мария Лукьяновна. Очень, Сенечка, яйца дороги.

Семен Семенович. Для кого это дороги? И кого это, кроме меня, касается? Кто теперь зарабатывает, ты или я?

Серафима Ильинична. Дело в том...

Семен Семенович. Вы все время мешаете планомерным занятиям. Чем со мной пререкаетесь, Серафима Ильинична, вы молчали бы лучше и слушали музыку. *(Дует.)* Вообще, я просил бы в минуты творчества относительной тишины. *(Читает.)* «Гаммы. Гамма есть пуповина музыки. Одолевши сию пуповину, вы рождаетесь как музыкант». Ну, сейчас я уже окончательно выучусь. «Для того чтобы правильно выучить гамму, я, всемирно известный художник звука Теодор Гуго Шульц, предлагаю вам самый дешевый способ. Купите самый дешевый ро... *(перевортыивает страницу)* ...яль». Как рояль?

Серафима Ильинична. |

Мария Лукьяновна. | Как рояль?

Семен Семенович. Подождите. Пойдите. Не может быть. «Предлагаю вам самый дешевый способ. Купите самый дешевый ро... *(пробует, не слиплись ли страницы, перевортыивает)* ...яль». Это как же? Позвольте. Зачем же рояль? *(Читает.)* «В примечаниях сказано, как играется гамма. Проиграйте ее на рояле и скопируйте на трубе». Это что же такое, товарищи, делается? Это что же такое? Это кончено, значит. Значит, кончено. Значит... Ой, мерзавец какой! Главное дело, художник звука. Не художник ты, Теодор, а подлец. Сволочь ты... со своей пуповиной. *(Разрывает самоучитель.)* Маша! Машенька! Серафима Ильинична! Ведь рояль-то мне не на что покупать. Что он сделал со мной? Я смотрел на него как на якорь спасения. Я сквозь эту трубу различал свое будущее.

Серафима Ильинична. Успокойтесь. Наплюньте, Семен Семенович.

Семен Семенович. Как же мы будем жить, Серафима Ильинична? Кто же будет теперь зарабатывать, Машенька?

Мария Лукьяновна. Ты не думай об этом, пожалуйста, Сенечка, я одна работаю.

Серафима Ильинична. Столько времени жили на Машино жалованье и опять проживем.

Семен Семенович. Ах, мы, значит, на Машино жили, по-вашему. Значит, я ни при чем, Серафима Ильинична? Только вы одного не учли, Серафима Ильинична: что она на готовом на всем зарабатывала. Эти чашечки кто покупал, Серафима Ильинична? Это я покупал. Эти блюдечки кто покупал, Серафима Ильинична? Это я покупал. А когда эти блюдечки разобьются, тебе хватит, Мария, на новые блюдечки?

Мария Лукьяновна. Хватит, Сенечка, хватит.

Семен Семенович. Хватит?

Мария Лукьяновна. Хватит.

Семен Семенович (*бросает блюда на пол и разбивает их*). Ну, посмотрим. А когда эти чашечки разобьются, тебе хватит, Мария, на новые чашечки?

Мария Лукьяновна. Ой, не хватит.

Семен Семенович. Не хватит? Ну, значит, так жить нельзя. Значит, мне остается... Уйдите отсюда. Уходите сейчас же, я вам говорю. Все равно на троих нам не хватит такого жалованья.

Мария Лукьяновна. Что ты, Сенечка, бог с тобой. И на нас, Сеня, хватит и на тебя.

Семен Семенович. Как же может хватить на меня, Мария, если даже на чашечки не хватает?

Мария Лукьяновна. Хватит, Сенечка, хватит.

Семен Семенович. Хватит? (*Разбивает чашки.*) Ну, посмотрим. А когда эта вазочка разобьется, тебе хватит, Мария, на новую вазочку?

Серафима Ильинична. Говори, что не хватит.

Мария Лукьяновна. Не хватит, Сенечка.

Семен Семенович. Ах, не хватит! Тогда уходите отсюда.

Мария Лукьяновна. Вот убей — не уйду.

Семен Семенович. Не уйдешь?

Мария Лукьяновна. Не уйду.

Семен Семенович. Ну, посмотрим. (*Разбивает вазу.*)

Мария Лукьяновна. Что ж ты, Сенечка, все разобьешь?

Семен Семенович. Разобью.

Мария Лукьяновна. Разобьешь?

Семен Семенович. Разобью.

Мария Лукьяновна. Ну, посмотрим. (*Разбивает зеркало.*)

Семен Семенович. Ты... при мне... при главе... Это что возникает такое? Господи. Ради бога, оставьте меня одного. Я вас очень прошу. Я вас очень прошу. Ради бога, оставьте меня. Пожалуйста.

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична уходят в другую комнату. Семен Семенович закрывает за ними дверь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Семен Семенович один.

Семен Семенович. Все разбито... все чашечки... блюдечки... жизнь... человеческая. Жизнь разбита, а плакать некому. Мир... Вселенная... Человечество... Гроб... и два человека за гробом, вот и все человечество.

(Подходит к столу.) Столько времени жили на Машино жалованье и опять проживем. *(Открывает ящик.)* Проживем. *(Вынимает револьвер.)* Или нет? *(Вынимает из кармана записку. кладет на стол.)* Или нет? *(Вскакивает.)* Нет, простите, не проживем. *(Приставляет револьвер к виску. Взгляд падает на записку. Опускает руку. Берет записку. Читает.)* Вот тебе, Сеня, и гоголь-моголь. *(Зажмуривается. В это время раздаётся оглушительный стук в дверь. Семен Семенович, пряча револьвер за спину.)* Кто там? Кто?

Дверь открывается, и в комнату входит Аристарх Доминикович Гранд-Скубик.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Семен Семенович с револьвером за спиной и Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович. Виноват. Я вам, может быть, помешал? Если вы, извиняюсь, здесь что-нибудь делали, ради бога, пожалуйста, продолжайте.

Семен Семенович. Ничего-с. Мне не к спеху. Вы, собственно... Чем могу?

Аристарх Доминикович. А позвольте сначала узнать: с кем имею приятную честь разговаривать?

Семен Семенович. С этим... как его... Подсекальниковым.

Аристарх Доминикович. Очень рад. Разрешите полюбопытствовать: вы не тот Подсекальников, который стреляется?

Семен Семенович. Кто сказал? То есть нет, я не то сказал. Ну, сейчас арестуют за хранение оружия. Я не тот. Вот ей-богу, не тот.

Аристарх Доминикович. Неужели не тот? Как же так? Вот и адрес и... *(Замечает записку.)* Стойте. *(Берет записку.)* Да вот же написано. *(Читает.)* «В смерти прошу никого не винить». И подписано: «Подсекальников». Это вы Подсекальников?

Семен Семенович. Я. Шесть месяцев принудительных.

Аристарх Доминикович. Ну, вот видите. Так нельзя. Так нельзя, гражданин Подсекальников. Ну, кому это нужно, скажите, пожалуйста, «никого не винить». Вы, напротив, должны обвинять и винить, гражданин Подсекальников. Вы стреляетесь. Чудно. Прекрасно. Стреляйтесь себе на здоровье. Но стреляйтесь, пожалуйста, как общественник. Не забудьте, что вы не один, гражданин Подсекальников. Посмотрите вокруг. Посмотрите на нашу интеллигенцию. Что вы видите? Очень многое. Что вы слышите? Ничего. Почему же вы ничего не слышите? Потому что она молчит. Почему же она молчит? Потому что ее заставляют молчать. А вот мертвого не заставишь молчать, гражданин Подсекальников. Если мертвый заговорит. В настоящее время, гражданин Подсекальников, то, что может подумать живой, может высказать только мертвый. Я пришел к вам, как к мертвому, гражданин Подсекальников. Я пришел к вам от имени русской интеллигенции.

Семен Семенович. Очень рад познакомиться. Садитесь, пожалуйста.

Аристарх Доминикович. Вы прощаетесь с жизнью, гражданин Подсекальников, в этом пункте вы правы: действительно, жить нельзя. Но ведь кто-нибудь виноват в том, что жить нельзя. Если я не могу говорить об этом, то ведь вы, гражданин Подсекальников, можете. Вам терять теперь нечего. Вам теперь ничего не страшно. Вы свободны теперь, гражданин Подсекальников. Так скажите же честно, открыто и смело, гражданин Подсекальников: вы кого обвиняете?

Семен Семенович. Я?

Аристарх Доминикович. Да.

Семен Семенович. Теодор Гугу Шульца.

Аристарх Доминикович. Это кто-нибудь, верно, из Коминтерна? Без сомнения, и он виноват. Но ведь он не один, гражданин Подсекальников. Вы напрасно его одного обвиняете. Обвиняйте их всех. Я боюсь, вы еще не совсем понимаете, почему вы стреляетесь. Разрешите, я вам объясню.

Семен Семенович. Ради бога. Пожалуйста.

Аристарх Доминикович. Вы хотите погибнуть за правду, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович. А вы знаете, это идея.

Аристарх Доминикович. Только правда не ждет, гражданин Подсекальников. Погибайте скорей. Разорвите сейчас же вот эту записочку и пишите другую. Напишите в ней искренне все, что вы думаете. Обвините в ней искренне всех, кого следует. Защитите в ней нас. Защитите интеллигенцию и задайте правительству беспощадный вопрос: почему не использован в деле строительства такой чуткий, лояльный и знающий человек, каковым, безо всякого спора, является Аристарх Доминикович Гранд-Скубик.

Семен Семенович. Кто?

Аристарх Доминикович. Аристарх Доминикович Гранд-Скубик. Через тире.

Семен Семенович. Это кто же такой?

Аристарх Доминикович. Это я. И когда, написавши такую записочку, гражданин Подсекальников, вы застрелитесь, вы застрелитесь, как герой. Выстрел ваш — он раздастся на всю Россию. Он разбудит уснувшую совесть страны. Он послужит сигналом для нашей общественности. Имя ваше прольется из уст в уста. Ваша смерть станет лучшею темой для диспутов. Ваш портрет поместят на страницах газет, и вы станете лозунгом, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович. До чего интересно, Аристарх Доминикович. Дальше. Дальше. Еще, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович. Вся российская интеллигенция соберется у вашего гроба, гражданин Подсекальников. Цвет страны понесет вас отсюда на улицу. Вас завалят венками, гражданин Подсекальников. Катафалк ваш утонет в цветах, и прекрасные лошади в белых пополах повезут вас на кладбище, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович. Елки-палки. Вот это жизнь!

Аристарх Доминикович. Я бы сам застрелился, гражданин Подсекальников, но, к

несчастью, не могу. Из-за принципа не могу. *(Смотрит на часы.)* Значит, так мы условимся. Вы составьте конспектик предсмертной записочки... или, может быть, лучше я сам напишу, а вы просто подпишете и застрелитесь.

Семен Семенович. Нет, зачем же, я сам.

Аристарх Доминикович. Вы Пожарский. Вы Минин, гражданин Подсекальников. Вы — титан. Разрешите прижать вас от имени русской интеллигенции. *(Обнимает.)* Я не плакал, когда умерла моя мать. Моя бедная мама, гражданин Подсекальников. А сейчас... А сейчас... *(Рыдая, уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Семен Семенович один.

Семен Семенович. Пострадаю. Пострадаю за всех. И прекрасные лошади в белых пополах. Обязательно пострадаю. Где бумага? *(Ищет.)* Я сейчас их на чистую воду выведу. Где бумага? Сейчас я их всех обвиню. *(Ищет.)* Ну, попались. Теперь трепещите, голубчики. Я всю правду сейчас напишу. Всю как есть. У меня этой правды хоть пруд пруди. *(Ищет.)* Что за черт! Вот какую устроили жизнь. Правда есть, а бумаги для правды нету. *(Подходит к двери. Открывает ее.)* Ухожу я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Из двери выбегают Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Мария Лукьяновна. Куда?

Семен Семенович. За бумагой. Для правды. Дайте шляпу и рупь, Серафима Ильинична. И потом я хотел тебе, Маша, сказать. Как ты выглядишь. Как ты выглядишь. Так нельзя. Ко мне люди приходят, интеллигенция. Это, Маша, обязывает.

Мария Лукьяновна. Что ж я, Сенечка, делать должна, по-твоему?

Семен Семенович. Приколи себе брошку какую-нибудь или голову вымой на всякий случай. Не забудь, что ты носишь фамилию Подсекальникова. Это все-таки с чем-то сопряжено.

Серафима Ильинична подает ему шляпу и рубль.

Ну, идите, ступайте теперь на кухню.

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

*Семен Семенович надевает шляпу. Поднимает осколок разбитого зеркала.
Смотрится.*

Семен Семенович. А действительно что-то есть у Пожарского от меня. И у Минина есть. Но у Минина меньше, чем у Пожарского.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Серафима Ильинична (*высунув голову*). К вам какая-то дама, Семен Семенович.
Семен Семенович. Пусть войдет.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

В комнату входит Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна. Что, мсье Подсекальников, — это вы?

Семен Семенович. Вуй, мадам. Лично я.

Клеопатра Максимовна. Познакомьтесь со мной. (*Протягивает руку.*)

Клеопатра Максимовна. Но вы можете звать меня просто Капочкой.

Семен Семенович. Боже мой!

Клеопатра Максимовна. А теперь, раз мы с вами уже познакомились, я хочу попросить вас о маленьком одолжении.

Семен Семенович. Ради бога. Пожалуйста. Чем могу?

Клеопатра Максимовна. Господин Подсекальников, все равно вы стреляетесь. Будьте ласковы, застрелитесь из-за меня.

Семен Семенович. То есть как — из-за вас?

Клеопатра Максимовна. Ну, не будьте таким эгоистом, мсье Подсекальников. Застрелитесь из-за меня.

Семен Семенович. К сожалению, не могу. Я уже обещал.

Клеопатра Максимовна. Вы кому обещали? Раисе Филипповне? Ой, зачем же? Да что вы! Мсье Подсекальников. Если вы из-за этой паскуды застрелитесь, то Олег Леонидович бросит меня. Лучше вы застрелитесь из-за меня, и Олег Леонидович бросит ее. Потому что Олег Леонидович — он эстет, а Раиса Филипповна просто сука. Это я заявляю вам, как романтик. Она даже стаканы от страсти грызет. Она хочет, чтоб он целовал ее тело, она хочет сама целовать его тело, только тело, тело и тело. Я, напротив, хочу обожать его душу, я хочу, чтобы он обожал мою душу, только душу, душу и душу. Заступитесь за душу, господин Подсекальников, застрелитесь из-за меня. Возродите любовь. Возродите романтику. И тогда... Сотни девушек соберутся у вашего гроба, мсье Под-

секальников, сотни юношей понесут вас на нежных плечах, и прекрасные женщины...

Семен Семенович. В белых попонах.

Клеопатра Максимовна. Что?

Семен Семенович. Извиняюсь, увлекся, Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна. Как? Уже? Вы какой-то безумец, мсье Подсекальников.

Нет, нет, нет, не целуйте меня, пожалуйста.

Семен Семенович. Уверяю вас...

Клеопатра Максимовна. Верю, верю. Но ясно, что после этого вы должны отказаться от Раисы Филипповны.

Семен Семенович. Никакой я не видел Раисы Филипповны.

Клеопатра Максимовна. Ах, не видели. Так увидите. Вот увидите, что увидите. Она, может быть, даже сейчас прибежит. Она будет, наверное, вам рассказывать, что все в полном восторге от ее живота. Она вечно и всюду об этом рассказывает. Только это неправда, мсье Подсекальников, у нее совершенно заурядный живот. Уверяю вас. И потом, ведь живот не лицо, сплошь да рядом его абсолютно не видно. Вот лицо... Подойдите сюда. Вы заметили?

Семен Семенович. Нет.

Клеопатра Максимовна. То есть как это нет? Если здесь незаметно, мсье Подсекальников, что я очень красивая на лицо, то пойдете сейчас же отсюда ко мне, и вы сразу увидите. У меня над кроватью висит фотография. Обалдеете. Как посмотрите, так воскликнете: «Клеопатра Максимовна — вы красавица».

Семен Семенович. Ну, не может быть!

Клеопатра Максимовна. Уверяю вас. Это прямо стихийно для вас обнаружится. Ну, пойдете. Идемте, мсье Подсекальников. Вы за кофеем там у меня и напишете.

Семен Семенович. Как — напишете? Что?

Клеопатра Максимовна. Все, что чувствуете. Что я вас раздавила своим обаянием, что вы на взаимность мою не надеетесь и поэтому даже, увы, стреляетесь. Мне смешно вас учить, господин Подсекальников, вы же сами эстет. Вы романтик, не правда ли?

Семен Семенович. Да. Давно.

Клеопатра Максимовна. Ну, вот видите. Так идемте, идемте, мсье Подсекальников.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Входит Мария Лукьяновна. В руках у нее таз с водой, мыло и мочалка.

Клеопатра Максимовна. Все равно вам придется отсюда уйти, здесь сейчас будут пол мыть, мсье Подсекальников.

Мария Лукьяновна. И совсем даже вовсе не пол, а голову.

Клеопатра Максимовна. Я не с вами, голубушка, разговариваю. Это кто же такая вульгарная женщина?

Семен Семенович. Это... Это...

Мария Лукьяновна проходит в следующую комнату.

Кухарка моя, Клеопатра Максимовна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Входит Серафима Ильинична. В руках у нее веник и совок.

Серафима Ильинична. Вы куда же? Сейчас самовар закипит. Может, дамочка чаем у нас побалуется.

Семен Семенович. Фу-ты, черт! Вот что, Сима. Вы здесь приберите, пожалуйста, а я с дамою кофе поеду пить. Это... мама... кухаркина, Клеопатра Максимовна. Ну, пошли.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Слава богу, все, Машенька, кажется, кончилось. Можешь больше о Сене не беспокоиться.

Мария Лукьяновна. Не могу я не беспокоиться. Все равно вот я моюсь, а сама не своя. Столько это здоровья и нервов мне стоило.

Серафима Ильинична. Нервы что, вот посуды рублей на двенадцать раскокано. Это да. А стекла-то, стекла. Под столом. Под кроватью. Боже, господи мой. *(Лезет с веником под кровать.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

В комнату входит Егорушка. Осматривается. Никого нет. Из соседней комнаты слышатся бульканье воды и пофыркивание Марии Лукьяновны. Егорушка на цыпочках подкрадывается к двери и заглядывает в замочную скважину. В это время Серафима Ильинична вылезает из-под кровати.

Серафима Ильинична. Вы это зачем же, молодой человек, такую порнографию делаете? Там женщина голову или даже еще чего хуже моет, а вы на нее в щель смотрите.

Егорушка. Я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения смотрел, а в этой точке никакой порнографии быть не может.

Серафима Ильинична. Что ж, по-вашему, с этой точки по-другому видать, что ли?

Егорушка. Не только что по-другому, а вовсе наоборот. Я на себе сколько раз проверял. Идешь это, знаете, по бульвару, и идет вам навстречу дамочка. Ну, конечно, у дамочки всякие формы и всякие линии. И такая исходит от нее нестерпимая для глаз красота, что только зажмуришься и задышишь. Но сейчас же себя оборвешь и подумаешь: а взгляну-ка я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения — и... взглянешь. И что же вы думаете, Серафима Ильинична? Все с нее как рукой снимает, такая из женщины получается гадость, я вам передать не могу. Я на свете теперь ничему не завидую. Я на все с этой точки могу посмотреть. Вот хотите сейчас, Серафима Ильинична, я на вас посмотрю?

Серафима Ильинична. Боже вас упаси.

Егорушка. Все равно посмотрю.

Серафима Ильинична. Караул!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Серафима Ильинична, Егорушка, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Что случилось?

Серафима Ильинична. Егорка до точки дошел.

Мария Лукьяновна. Что ты, мамочка, до какой?

Егорушка. До марксистской, Мария Лукьяновна. Здравствуйте.

Мария Лукьяновна. Вы по делу, Егорушка, или так?

Егорушка. Я насчет запятой к вам, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Как — насчет запятой?

Егорушка. Я, Мария Лукьяновна, стал писателем. Написал для газеты одно сочинение; только вот запятые не знаю, где ставятся.

Мария Лукьяновна. Поздравляю. А свадьба когда же, Егорушка?

Егорушка. Почему это свадьба, Мария Лукьяновна?

Мария Лукьяновна. Ну, раз стали писателем, значит, влюбились. Значит, муза у вас появилась, Егорушка.

Егорушка. Сознаюсь, появилась, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Кто же, кто же она? Как же звать-то, Егорушка?

Егорушка. Музу?

Мария Лукьяновна. Да.

Егорушка. Александр Петрович Калабушкин.

Серафима Ильинична. Здравствуйте. Очумел.

Егорушка. Сознаюсь, очумел, Серафима Ильинична. Отродясь я писателем быть не готовился, но как только увидел его — конец. До того он меня вдохновляет, Мария Лукьяновна, что рука прямо в ручку сама вгрызается и все пишет, все пишет, все пишет, все пишет.

Серафима Ильинична. Чем же он вдохновляет тебя, Егорушка?

Егорушка. Эротизмом своим, Серафима Ильинична. Я в газету об этом написал.

Мария Лукьяновна. Что же вы написали такое, Егорушка?

Егорушка. Если вы запятую мне после поставите, я могу прочитать. Начинается так. *(Читает.)* «Гражданину редактору нашей газеты от курьера советского учреждения. Ученые доказали, что на солнце бывают пятна. Таким пятном в половом отношении является Александр Петрович Калабушкин, содержатель весов, силомера и тира в летнем саду «Красный Бомонд». Силомер для курьеров не имеет значения, потому что мы силу свою измерили на гражданской войне за свободу трудящихся; что касается тира, то тир закрыт и все лето не открывается. Тир закрыт, а курьеры хотят стрелять. Между тем Александр Петрович Калабушкин все вечернее время проводит в отсутствии и сидит в ресторане, как наглый самец, с Маргаритой Ивановной Пересветовой. Пусть редактор своею железной рукой вырвет с корнем его половую распущенность». А под этим подписано: «Тридцать пять тысяч курьеров».

Мария Лукьяновна. Неужели же тридцать пять тысяч подписывало?

Егорушка. Нет, подписывал я один.

Серафима Ильинична. Так зачем же вы тридцать пять тысяч курьеров подписываете?

Егорушка. Это мой псевдоним, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Вы совсем очумели, Егор Тимофеевич. Как вам только не совестно. Ни с того ни с сего человека подводите.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В комнату вбегают Александр Петрович и Маргарита Ивановна.

Александр Петрович. Что, супруг ваш, Мария Лукьяновна, здесь?

Мария Лукьяновна. Как вы кстати. Скорее, товарищ Калабушкин. Вот Егор. Потолкуйте вы с ним, пожалуйста.

Александр Петрович. Да. В чем дело, Егор Тимофеевич?

Егорушка. Дело? Дело вот в чем, товарищ Калабушкин. «И сидит в ресторане, как наглый самец». Запятая, по-вашему, где полагается?

Александр Петрович. Перед как.

Егорушка. Перед как. Ну, мерси вам. Бегу в редакцию. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

*Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична, Александр Петрович,
Маргарита Ивановна.*

Мария Лукьяновна. Что вы сделали? Что вы сделали? Вы сейчас человеку неграмотность ликвидировали. А на что? На свою, Александр Петрович, голову. Разве вы, Александр Петрович, не знаете, кто такой этот наглый сидящий самец?

Александр Петрович. Нет. А кто?

Мария Лукьяновна. Вы, и больше никто иное.

Александр Петрович. Я?

Маргарита Ивановна. Пожалуйста, не прикидывайся. Сознаться, с какою ты шлюхой сидел.

Александр Петрович. Да, наверно, с тобой, Маргарита Ивановна.

Серафима Ильинична. С вами, с вами.

Мария Лукьяновна. Так в точности там и написано. И про вас, и про тир, Маргарита Ивановна.

Александр Петрович. Догоните его. Возвратите его. И скажите, что тир непременно откроется. Ну, бегите, бегите, а то не догоните!

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична убегают.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Александр Петрович, Маргарита Ивановна.

Александр Петрович. Что ты сделаешь?

Маргарита Ивановна. Все устроится, не тужи. Я в обиду тебя не дам. Ну, пойдем, побеседуем о покойнице.

Уходят в комнату Калабушкина.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Входит Никифор Арсентьевич Пугачев, мясник.

Пугачев. Вот так раз — никого.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Входит Виктор Викторович, писатель.

Виктор Викторович. Гражданин Подсекальников — это вы?

Пугачев. Нет, я сам его жду.

Виктор Викторович. Вот что. Так-с.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Входит отец Елпидий, священник.

Отец Елпидий. Виноват, Подсекальников — это вы?

Виктор Викторович. Нет, не я.

Отец Елпидий. Значит, вы?

Пугачев. Тоже нет.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Входит Аристарх Доминикович Гранд-Скубик.

Отец Елпидий. Вот, наверное, он. Подсекальников — это вы?

Аристарх Доминикович. Что вы, нет.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Александр Петрович выходит из своей комнаты. Все бросаются к нему.

Аристарх Доминикович. Александр Петрович!

Пугачев. Товарищ Калабушкин!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

В комнату вихрем влетает Раиса Филипповна.

Раиса Филипповна. Вот вы где мне попались, товарищ Калабушкин. Отдавайте сейчас же пятнадцать рублей.

Александр Петрович. Вы зачем же при людях, Раиса Филипповна?

Раиса Филипповна. А зачем же вы шахеры-махеры делаете? Вы меня обманули,

товарищ Калабушкин. Вы надули меня со своим Подсекальниковым. Для чего я дала вам пятнадцать рублей? Чтобы он из-за этой паскуды застреливался? Вы мне что обещали, товарищ Калабушкин? Вы его для меня обещали использовать, а его Клеопатра Максимовна пользуется.

Виктор Викторович. Виноват! Как такое — Клеопатра Максимовна? Вы же мне обещали, товарищ Калабушкин.

Отец Елпидий. Вы ему обещали, товарищ Калабушкин? А за что же я деньги тогда заплатил?

Александр Петрович. А скажите, за что вы, товарищи, платите, если вы покупаете лотерейный билет? За судьбу. За участие в риске, товарищи. Так и здесь, в данном случае с Подсекальниковым. Незабвенный покойник пока еще жив, а предсмертных записок большое количество. Кроме вас заплатило немало желающих. Например, вот такие записки составлены. «Умираю, как жертва национальности, затравили жида». «Жить не в силах по подлости фининспектора». «В смерти прошу никого не винить, кроме нашей любимой советской власти». И так далее, и так далее. Все записочки будут ему предложены, а какую из них он, товарищи, выберет — я сказать не могу.

Аристарх Доминикович. Между прочим, он выбрал уже, товарищи. Он стреляется в пользу интеллигенции. Я с ним только что лично об этом беседовал.

Александр Петрович. Я считаю, что это нахальство, Аристарх Доминикович. Вы должны были действовать через меня, так сказать, наравне с остальными клиентами.

Аристарх Доминикович. Отыщите клиентам другого покойника — пусть они подождут.

Александр Петрович. Подождите и вы.

Аристарх Доминикович. Что касается русской интеллигенции, то она больше ждать не в силах.

Пугачев. А торговля, по-вашему, в силах, товарищи?

Виктор Викторович. А святое искусство?

Отец Елпидий. А наша религия?

Раиса Филипповна. А любовь? Ведь сейчас наступила немая любовь. В настоящее время мужчины в минуты любви совершенно не разговаривают, только сопят. Уверяю вас. Только сопят. Я прошу вас об этом подумать, товарищи.

Аристарх Доминикович. Нет, вы лучше подумайте, дорогие товарищи, что такое есть наша интеллигенция. В настоящее время интеллигенция — это белая рабыня в гареме пролетариата.

Пугачев. В таком случае в настоящее время торговля — это черная рабыня в гареме пролетариата.

Виктор Викторович. В таком случае в настоящее время искусство — это красная рабыня в гареме пролетариата.

Пугачев. Что вы всё говорите — искусство, искусство. В настоящее время торговля тоже искусство.

Виктор Викторович. А что вы всё говорите — торговля, торговля. В настоящее

время искусство тоже торговля. Ведь у нас, у писателей, музыкантская жизнь. Мы сидим в государстве за отдельным столом и все время играем туш. Туш гостям, туш хозяевам. Я хочу быть Толстым, а не барабанщиком.

Аристарх Доминикович. Мы хотим, чтобы к нам хоть немного прислушались. Чтобы с нами считались, дорогие товарищи.

Отец Елпидий. Мы должны завоевать молодежь.

Аристарх Доминикович. Да, но чем?

Виктор Викторович. Чем? Идеями.

Аристарх Доминикович. Но припомните, как это раньше делалось. Раньше люди имели идею и хотели за нее умирать. В настоящее время люди, которые хотят умирать, не имеют идеи, а люди, которые имеют идею, не хотят умирать. С этим надо бороться. Теперь больше, чем когда бы то ни было, нам нужны идеологические покойники.

Отец Елпидий. Пусть покойник льет воду на нашу мельницу.

Пугачев. Вы хотите сказать — на нашу.

Виктор Викторович. Да, на нашу, но не на вашу.

Аристарх Доминикович. Почему же на вашу, а не на нашу?

Виктор Викторович. Потому что на нашу, а не на вашу.

Отец Елпидий. Нет, на нашу.

Пугачев. Нет, на нашу.

Александр Петрович. Тише, тише, товарищи. Вы же все с одной мельницы, что вы спорите. Вы бы лучше его сообща использовали.

Раиса Филипповна. Очень мало на всех одного покойника.

Виктор Викторович. Нам не важен покойник как таковой. Важно то, что останется от покойника.

Пугачев. Ничего от покойника не останется.

Виктор Викторович. Нет, останется.

Пугачев. Что ж останется?

Виктор Викторович. Червячок. Вот в чем сила, товарищи. Вечный труженик, червячок. Червячок поползет и начнет подтачивать.

Пугачев. Что подтачивать?

Виктор Викторович. Пусть начнет со слабейшего. Вы случайно не знаете Федю Питунина?

Аристарх Доминикович. Кто такой?

Виктор Викторович. Замечательный тип. Положительный тип. Но с какой-то такой грустнотой, товарищи. Нужно будет в него червячка заронить. Одного червячка. А вы слышали, как червяки размножаются?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Входит Семен Семенович.

Семен Семенович. Вы ко мне?

Аристарх Доминикович. Эти люди узнали о вашем прекрасном решении, гражданин Подсекальников, и пришли к вам, чтобы выразить свой восторг.

Пугачев. Вы последняя наша надежда, Семен Семенович.

Отец Елпидий. Вы сподвижник. Вы мученик.

Виктор Викторович. Вы герой.

Раиса Филипповна. Вы мой самый любимый герой современности.

Семен Семенович. Что вы, право...

Раиса Филипповна. Не скромничайте, вы герой.

Аристарх Доминикович. Вы когда же решили стреляться, Семен Семенович?

Семен Семенович. Я еще не решил.

Раиса Филипповна. Ради бога, не скромничайте.

Аристарх Доминикович. Скажем, завтра в двенадцать часов вас устраивает?

Семен Семенович. Завтра?

Аристарх Доминикович. Отложите до завтра, Семен Семенович.

Отец Елпидий. Мы устроим вам проводы.

Пугачев. Мы закажем банкет вам, Семен Семенович.

Виктор Викторович. Мы вас чествовать будем, гражданин Подсекальников.

Аристарх Доминикович. Завтра в десять часов вас устраивает?

Семен Семенович. Завтра в десять?

Аристарх Доминикович. Банкет.

Семен Семенович. Ах, банкет... да, устраивает.

Аристарх Доминикович. Значит, так мы условимся. Завтра в десять часов начинаются проводы, ну а ровно в двенадцать вы тронетесь в путь.

Семен Семенович. В путь? Куда?

Аристарх Доминикович. Затрудняюсь сказать. В никуда... в неизвестное... Будем ждать...

Семен Семенович. Я дороги не знаю, дорогие товарищи.

Аристарх Доминикович. Мы заедем за вами, Семен Семенович. Ну, пока.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Семен Семенович один.

Семен Семенович. Завтра в путь. Надо вещи собрать. Портсигар... это брату отправлю... в Елец. И пальто... тоже брату... демисезонное... и штаны полосатые... Нет, штаны я, пожалуй, надену сам... на банкет. На банкет хорошо полосатые.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Серафима Ильинична и Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Фу, запарились. Еле-еле догнали Егора Тимофеича.

Семен Семенович. Вот разгладьте штаны и заштопайте дырочку. Я их завтра надену, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Для чего же задаром штаны трепать? Вы куда в них пойдете, Семен Семенович?

Семен Семенович. В это... я... я на место устраиваюсь.

Мария Лукьяновна. Что ты, Сеня? Когда?

Семен Семенович. Завтра ровно в двенадцать часов.

Мария Лукьяновна. Наконец-то. Какое же место? Временное?

Семен Семенович. Нет, как будто бы навсегда.

Мария Лукьяновна. Мама, ставь утюги. Мы сейчас их и выгладим, и заштопаем.

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична со штанами убегают.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Семен Семенович один.

Семен Семенович. Завтра ровно в двенадцать часов. Если ровно в двенадцать часов, что же будет со мной половина первого? Даже пять минут первого? Что? Кто же может ответить на этот вопрос? Кто?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

*Входят старушка и молодой человек.
У молодого человека в руках сундучок и узел.*

Старушка. Ничего, если он посидит у вас?

Семен Семенович. Кто?

Старушка. Вот племянничек к тетке Анисье приехал. А у тетки Анисьи-то дверь на замке. Вот пускай он минутку у вас посидит, а я живо за ихнею тетушкой сбегая. Он мешать вам не будет, он тихой, Семен Семенович, из провинции.

Семен Семенович. Пусть сидит.

Старушка уходит. Молодой человек садится.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Семен Семенович и молодой человек. Пауза.

Семен Семенович. Как вы думаете, молодой человек? Ради бога, не перебивайте меня, вы сначала подумайте. Вот представьте, что завтра в двенадцать часов вы берете своей рукой револьвер. Ради бога, не перебивайте меня. Хорошо. Предположим, что вы берете... и вставляете дуло в рот. Нет, вставляете. Хорошо. Предположим, что вы вставляете. Вот вставляете. Вставили. И как только вы вставили, возникает секунда. Подойдемте к секунде по-философски. Что такое секунда? Тик-так. Да, тик-так. И стоит между тиком и таким стена. Да, стена, то есть дуло револьвера. Понимаете? Так вот дуло. Здесь тик. Здесь так. И вот тик, молодой человек, это еще все, а вот так, молодой человек, это уже ничего. Ни-че-го. Понимаете? Почему? Потому что тут есть собачка. Подойдите к собачке по-философски. Вот подходите. Подошли. Нажимаете. И тогда раздается пиф-паф. И вот пиф — это еще тик, а вот паф — это уже так. И вот все, что касается тика и пифа, я понимаю, а вот все, что касается така и пафа, — совершенно не понимаю. Тик — и вот я еще и с собой, и с женою, и с тещею, с солнцем, с воздухом и водой, это я понимаю. Так — и вот я уже без жены... хотя я без жены — это я понимаю тоже, я без тещи... ну, это я даже совсем хорошо понимаю, но вот я без себя — это я совершенно не понимаю. Как же я без себя? Понимаете, я? Лично я. Подсекальщиков. Че-ло-век. Подойдем к человеку по-философски. Дарвин нам доказал на языке сухих цифр, что человек есть клетка. Ради бога, не перебивайте меня. Человек есть клетка. И томится в этой клетке душа. Это я понимаю. Вы стреляете, разбиваете выстрелом клетку, и тогда из нее вылетает душа. Вылетает. Летит. Ну, конечно, летит и кричит: «Осанна! Осанна!» Ну, конечно, ее подзывает Бог. Спрашивает: «Ты чья»? — «Подсекальникова». — «Ты страдала?» — «Я страдала». — «Ну, пойдя же попляши». И душа начинает плясать и петь. *(Поет.)* «Слава в вышних Богу и на земле мир и в человецех благоволение». Это я понимаю. Ну а если клетка пустая? Если души нет? Что тогда? Как тогда? Как, по-вашему? Есть загробная жизнь или нет? Я вас спрашиваю? *(Трясет его.)* Я вас спрашиваю — есть или нет? Есть или нет? Отвечайте мне. Отвечайте.

Входит старушка.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Семен Семенович, старушка, молодой человек.

Старушка. Ну, спасибо, Семен Семенович. Вот я ключик достала от комнаты. А то он у них глухонемой, приехал, а сказать ничего не может. Ну, спасибо, спасибо.

Уходят.

Семен Семенович. Значит, завтра в двенадцать часов.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ресторан под открытым небом в летнем саду «Красный Бомонд». За столом — Калабушкин, Гранд-Скубик, Пугачев, Виктор Викторович, отец Елпидий, Степан Васильевич Пересветов, Маргарита Ивановна Пересветова, Клеопатра Максимовна, Раиса Филипповна, Зинка Падеспань, Груня.

На скамьях, возле тира, — хор цыган.

Цыгане поют здравицу Подсекальникову. Семен Семенович опутан серпантином и обсыпан конфетти.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Цыгане (*поют*).

К нам приехал наш родимый
Семен Семеныч дорогой.
Сеня, Сеня, Сеня,
Сеня, Сеня, Сеня,
Сеня, Сеня, пей до дна.
Сеня, Сеня, пей до дна.

*Цыганка подает Семену Семеновичу бокал вина на перевернутой гитаре.
Аплодисменты.*

Пей до дна, пей до дна, пей до дна, пей до дна.

Семен Семенович выпивает вино, после чего вдребезги разбивает бокал. Гости аплодируют.

Пугачев. Вот гусар! Вот лихач! Вот действительно, это да!

Маргарита Ивановна. Вот за это люблю вас, Семен Семенович. Костя! Костенька! Костенька, черт!

Подбегает официант.

Запиши за бокал девяносто копеек. Пейте! Пейте! Вы что же, Семен Семенович?

Семен Семенович. Сколько времени? А?

Маргарита Ивановна. До двенадцати долго, Семен Семенович.

Семен Семенович. Долго?

Маргарита Ивановна. Долго, Семен Семенович. Вы не думайте. Пейте, Семен Семенович.

Отец Елпидий (*наклонившись к Груне*). Раз пошел Пушкин в баню...

Груня. Вы про Пушкина мне не рассказывайте, я похабщины не люблю.

Семен Семенович. Человек!

Второй официант. Чего извольте-с?

Семен Семенович. Сколько времени, а?

Второй официант. Полагаю, что скоро двенадцать, Семен Семенович.

Семен Семенович. Скоро?

Второй официант. Скоро, Семен Семенович.

Отец Елпидий (*наклонившись к Раисе Филипповне*). Раз пошел Пушкин в баню...

Раиса Филипповна начинает ржать.

Раиса Филипповна (*сквозь ржанье*). Фу, бессовестный. Ой, не могу. Я сейчас так рельефно себе представила... Ну?

Отец Елпидий. Ну, пришел Пушкин в баню...

Аристарх Доминикович. Уважаемое собрание! Мы сейчас провожаем Семена Семеновича, если можно так выразиться, в лучший мир. В мир, откуда не возвращаются.

Степан Васильевич. За границу, наверно?

Аристарх Доминикович. Нет, подальше, Степан Васильевич.

Степан Васильевич. Пожелаю приятного путешествия.

Аристарх Доминикович. Вы зачем же перебиваете, гражданин!

Голоса. Тише... Тише...

Наступает мертвая тишина.

Отец Елпидий. Ну, Пушкин снимает подштанники.

Раиса Филипповна начинает ржать.

Голоса. Тише... Тише...

Раиса Филипповна (*ржа*). Я сейчас так рельефно себе представляю. Ну?

Аристарх Доминикович. Любимый Семен Семенович! Вы избрали прекрасный и правильный путь. Убежденно и смело идите своей дорогой, и за вами пойдут другие.

Раиса Филипповна (*сквозь ржанье*). Ну, а банщица что?

Аристарх Доминикович. Много буйных, горячих и юных голов повернутся в открытую вами сторону, и тогда зарыдают над ними отцы, и тогда закричат над могилами матери, и тогда содрогнется великая родина, и раскроются настежь ворота Кремля, и к ним выйдет наше правительство. И правитель протянет свою руку купцу, и купец свою руку протянет рабочему, и протянет рабочий свою руку заводчику, и заводчик протянет свою руку крестьянину, и крестьянин протянет свою руку помещику, и помещик протянет свою руку к своему поместью, и свое поместье про... нет, хотя на своем поместье можно будет остановиться.

Отец Елпидий. Ну, а Пушкин ей в рифму на букву «дэ»...

Аристарх Доминикович. Честь и слава вам, милый Семен Семенович. Ура!

Все. Уррра-а-а...

Семен Семенович. Дорогие присутствующие...

Голоса. Тсссс...

Александр Петрович. Прошу тишины и внимания.

Наступает мертвая тишина.

Вот теперь говорите, Семен Семенович.

Семен Семенович. Сколько времени? А?

Маргарита Ивановна. Вы не думайте, пейте, Семен Семенович.

Пугачев. Я почти что не критик, Аристарх Доминикович, я мясник. Но я должен отметить, Аристарх Доминикович, что вы чудно изволили говорить. Я считаю, что будет прекрасно, Аристарх Доминикович, если наше правительство протянет руки.

Аристарх Доминикович. Я считаю, что будет еще прекраснее, если наше правительство протянет ноги.

Пугачев. Хучь бы руки покамест, Аристарх Доминикович.

Степан Васильевич. Вы меня извините, я раньше не знал, вы сегодня в двенадцать часов стреляетесь. Разрешите поэтому выпить за ваше здоровье.

Семен Семенович. А сейчас сколько времени?

Маргарита Ивановна. Вы не думайте, пейте, Семен Семенович.

Зинка Падеспань. Господа кавалеры, проявите себя. Предложите чего-нибудь очень веселого.

Отец Елпидий. Предлагаю собравшимся крикнуть «ура».

Виктор Викторович. Все!

Все. Уррра-а-а...

Александр Петрович. Человеки! Шампанского!

Пугачев. Ну-ка хором, за десять рублей, про душу.

Цыгане.

Ой, матушка, скушно мне,

Сударыня, грустно мне.

Отец Елпидий. Хоп!

Александр Петрович. Чеши!

Виктор Викторович. Шевели!

Отец Елпидий. Вот, действительно, в этом есть.

Пугачев. До чего вы, родные, меня растрогали.

Аристарх Доминикович. Я не плакал, когда умерла моя мать, моя бедная мама, дорогие товарищи. А сейчас... А сейчас... *(Рыдает.)*

Раиса Филипповна. Я сейчас так рельефно себе представила: диктатура, республика, революция... А кому это нужно, скажите, пожалуйста?

Виктор Викторович. Как — кому? Разве можно так ставить вопрос? Я не мыслю себя без советской республики. Я почти что согласен со всем, что в ней делается.

Я хочу только маленькую добавочку. Я хочу, чтоб в дохе, да в степи, да на розвальнях, да под звон колокольный у светлой заутрени, заломив на затылок седого бобра, весь в цыганах, обнявшись с любимой собакой, мерить версты своей обездоленной родины. Я хочу, чтобы лопались струны гитар, чтобы плакал ямщик в домотканую варежку, чтобы выбросить шапку, упасть на сугроб и молиться и клясть, сквернословить и каяться, а потом опрокинуть холодную стопочку да присвистнуть, да ухнуть на всю вселенную и лететь... да по-нашему, да по-русскому, чтоб душа вырывалась к чертовой матери, чтоб вертелась земля, как волчок, под полозьями, чтобы лошади птицей над полем распластывались. Эх вы, лошади, лошади, — что за лошади! И вот тройка не тройка уже, а Русь, и несется она, вдохновенная Богом. Русь, куда же несешься ты? Дай ответ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Егор Тимофеевич.

Егорушка. Прямо в милицию, будьте уверены.

Виктор Викторович. Как в милицию? Почему?

Егорушка. Потому что так ездить не полагается. Ездить можно согласно постановлению не быстрее пятидесяти верст в час.

Виктор Викторович. Но ведь это метафора, вдохновение.

Егорушка. Разрешите мне вам преподать совет: вдохновляйтесь согласно постановлениям. Что же, тир открывается или нет?

Александр Петрович. Из-за вас вся задержка, Егор Тимофеевич, ждали, ждали, почти что совсем отчаялись.

Маргарита Ивановна. Осчастливьте, стаканчик, Егор Тимофеевич.

Егорушка. Совершенно не пью.

Александр Петрович. Почему ж вы не пьете, Егор Тимофеевич?

Егорушка. Очень страшно приучиваться.

Александр Петрович. Да чего же здесь страшного? Вы попробуйте.

Егорушка. Нет, боюсь.

Александр Петрович. Да чего ж вы боитесь, Егор Тимофеевич?

Егорушка. Как чего? Может так получится, что только приучишься, хватъ — наступит социализм, а при социализме вина не будет. Вот как хочешь тогда и выкручивайся.

Маргарита Ивановна. Только рюмку, всего лишь, одну лишь, за дам.

Егорушка. Между прочим, при социализме и дам не будет.

Пугачев. Ерунда-с. Человеку без дамочки не прожить.

Егорушка. Между прочим, при социализме и человека не будет.

Виктор Викторович. Как не будет? А что же будет?

Егорушка. Массы, массы и массы. Огромная масса масс.

Александр Петрович. Вот за массы и выпейте.

Егорушка. Ну, за массы куда ни шло.

Пугачев. Наливайте.

Отец Елпидий. Покрепче.

Александр Петрович. Затягивай, Пашенька.

Цыгане (*поют*).

К нам приехал наш родимый

Егор Тимофеич дорогой.

Жоржик, Жоржик, Жоржик,

Жоржик, Жоржик, Жоржик.

Жоржик, Жоржик, пей до дна.

Жоржик, пей до дна.

Александр Петрович. Как-с находите?

Егорушка. Ничего. Я люблю, когда мне про меня поют, а то нынче другие ерундой занимаются.

Виктор Викторович. Это, собственно, кто?

Егорушка. Да, к примеру, хоть вы. Вот скажите, писатель, об чем вы пишете?

Виктор Викторович. Обо всем.

Егорушка. Эка невидаль — обо всем. Обо всем и Толстой писал. Это нас не захватывает. Я курьер и хочу про курьеров читать. Вот что. Поняли?

Виктор Викторович. А вот я про литейщиков написал.

Егорушка. Ну, пускай вас литейщики и читают. А курьеров литейщики не захватывают. Я опять заявляю: я курьер и хочу про курьеров читать — понимаете? Что вы скажете? Как, по-вашему?

Семен Семенович. А скажите, по-вашему, как, Егорушка, есть загробная жизнь или нет?

Егорушка. В настоящее время возможно, что есть, но при социализме не будет. Это я гарантирую.

Маргарита Ивановна. Что ж вы встали? Идите сюда. Присаживайтесь.

Клеопатра Максимовна. Познакомьтесь со мной — Клеопатра Максимовна.

Раиса Филипповна (*за столом, соседу*). Мне Олег Леонидович прямо сказал: «У меня твой прекрасный живот, Раиса, не выходит из головы».

Александр Петрович. За здоровьице массы, Егор Тимофеевич.

Егорушка. Не могу отказаться. Всегда готов.

Груня (*соседу*). Ну, конечно, я ей, как сестра, говорю: «Ну, зачем, говорю, ты к нему пойдешь? Пять рублей заработаешь, двадцать пролечишь».

Александр Петрович. За здоровьице массы, Егор Тимофеевич.

Егорушка. Не могу... отказаться. Всегда готов.

Маргарита Ивановна. Вы не ешьте, вы пейте, Семен Семенович.

Отец Елпидий. Первая за дам.

Зинка Падеспань. Мерси, батюшка.

Клеопатра Максимовна. Вы не видели жизни, Егор Тимофеевич. Есть другая, прекрасная, чудная жизнь. Жизнь с бельем, с обстановкой, мехами, косметикой. Неужели, сознайтесь, Егор Тимофеевич, вас отсюда не тянет, ну, скажем, в

Париж?

Егорушка. Сознаюсь, Клеопатра Максимовна, тянет. Я стал деньги от этого даже копить.

Клеопатра Максимовна. На поездку?

Егорушка. На башню, Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна. На какую же башню?

Егорушка. На очень высокую.

Клеопатра Максимовна. Для чего же вам башня, Егор Тимофеевич?

Егорушка. То есть как для чего? Вы представьте, что башня уже построена. И как только затянет меня в Париж, я сейчас же залезаю на эту башню и смотрю на Париж, Клеопатра Максимовна, с марксистской точки зрения.

Клеопатра Максимовна. Ну, и что?

Егорушка. Ну, и жить не захочется в этом Париже.

Клеопатра Максимовна. Почему?

Егорушка. Вам меня не понять, Клеопатра Максимовна, потому что вы женщина потустороннего класса.

Аристарх Доминикович. Как же так, извиняюсь, потустороннего? А позвольте спросить вас, Егор Тимофеевич: кто же сделал, по-вашему, революцию?

Егорушка. Революцию? Я. То есть мы.

Аристарх Доминикович. Вы сужаете тему, Егор Тимофеевич. Разрешите, я вам поясню свою мысль аллегорией.

Егорушка. Не могу отказаться. Всегда готов.

Аристарх Доминикович. Так сказать, аллегорией звериного быта домашних животных.

Все. Просим!.. Просим!

Маргарита Ивановна. Вы не слушайте, пейте, Семен Семенович.

Аристарх Доминикович. Под одну сердобольную курицу подложили утиные яйца. Много лет она их высидывала. Много лет согревала своим теплом, наконец, высидела. Утки вылупились из яиц, с ликованием вылезли из-под курицы, ухватили ее за шиворот и потащили к реке. «Я ваша мама, — вскричала курица, — я сидела на вас. Что вы делаете?» — «Плыви», — заревели утки. Понимаете аллегория?

Голоса. Чтой-то нет.

— Не совсем.

Аристарх Доминикович. Кто, по-вашему, эта курица? Это наша интеллигенция. Кто, по-вашему, эти яйца? Яйца эти — пролетариат. Много лет просидела интеллигенция на пролетариате, много лет просидела она на нем. Все высидывала, все высидывала, наконец, высидела. Пролетарии вылупились из яиц. Ухватили интеллигенцию и потащили к реке. «Я ваша мама, — вскричала интеллигенция. — Я сидела на вас. Что вы делаете?» — «Плыви», — заревели утки. «Я не плаваю». — «Ну, лети». — «Разве курица птица?» — сказала интеллигенция. «Ну, сиди». И действительно посадили. Вот мой шурин сидит уже пятый год. Понимаете аллегория?

Зинка Падеспань. Что же здесь не понять? Он казенные деньги растратил, наверное.

Аристарх Доминикович. Деньги — это деталь. Вы скажите, за что же мы их высиживали? Знать бы раньше, так мы бы из этих яиц... Что бы вы, гражданин Подсекальников, сделали?

Семен Семенович. Гоголь-моголь.

Аристарх Доминикович. Вы гений, Семен Семенович. Золотые слова.

Груня. Вы о чем заскучили, гражданин Подсекальников?

Семен Семенович. Вот скажите вы мне, дорогие товарищи, можете ли вы понимать суть, и если вы можете ее понимать, то скажите вы мне, дорогие товарищи, — есть загробная жизнь или нет?

Александр Петрович. Про загробную жизнь вы у бабушки спрашивайте. Это их специальность.

Отец Елпидий. Как прикажете отвечать: по религии или по совести?

Семен Семенович. А какая же разница?

Отец Елпидий. Ко-лос-саль-на-я. Или можно еще по науке сказать.

Семен Семенович. Мне по-верному, бабушка.

Отец Елпидий. По религии — есть. По науке — нету. А по совести — никому не известно.

Семен Семенович. Никому? Значит, нечего даже и спрашивать?

Пугачев. А зачем же вам спрашивать? Вот чудак. Вы же сами минут через тридцать узнаете.

Семен Семенович. Через тридцать? Так, значит, сейчас половина двенадцатого? Как... Уже половина двенадцатого?

Маргарита Ивановна. Вы не думайте, пейте, Семен Семенович.

Семен Семенович. Неужели уже половина двенадцатого? Половина двена... Отпевайте меня, дорогие товарищи. Пойте, милые. Пойте, сволочи.

Цыгане гаркают хорovou.

Пострадаю за всех. Пострадаю за вас.

Цыгане. Эх, раз! Еще раз!

Семен Семенович. Вот когда наступила, товарищи, жизнь. Наступила за тридцать минут до смерти.

Егорушка. За здоровьице масс!

Цыгане. Эх, раз! Еще раз!

Семен Семенович. Массы! Слушайте Подсекальникова! Я сейчас умираю. А кто виноват? Виноваты вожди, дорогие товарищи. Подойдите вплотную к любому вождю и спросите его: «Что вы сделали для Подсекальникова?» И он вам не ответит на этот вопрос, потому что он даже не знает, товарищи, что в советской республике есть Подсекальников. Подсекальников есть, дорогие товарищи. Вот он я. Вам оттуда не видно меня, товарищи. Подождите немножечко. Я достигну таких грандиозных размеров, что вы с каждого места меня увидите. Я не жизнью, так

смертью своею возьму. Я умру и, зарытый, начну разговаривать. Я скажу им открыто и смело за всех. Я скажу им, что я умираю за... что я за... Тьфу ты, черт! Как же я им скажу, за что я, товарищи, умираю, если я даже предсмертной записки своей не читал.

Аристарх Доминикович. Мы сейчас все устроим, Семен Семенович. Дайте кресло и стол, Маргарита Ивановна.

Маргарита Ивановна. Костя, стол!

Официанты вносят стол и кресло. На столе письменный прибор, бумага, ваза с цветами, бутылка шампанского и рабочая лампа с зеленым абажуром.

Аристарх Доминикович. Потрудитесь прочесть, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович. Это что?

Аристарх Доминикович. Здесь написано.

Семен Семенович. «Почему я не в силах жить!» Вот, вот, вот. Я давно уже этим интересуюсь.

Аристарх Доминикович. Так садитесь и переписывайте.

Семен Семенович садится за стол.

Мы не будем мешать вам, Семен Семенович. Будьте добры, маэстро, негромкий вальс.

Музыка.

Семен Семенович (*переписывает*). «Почему я не в силах жить!» Восклицательный знак. Дальше. «Люди и члены партии, посмотрите в глаза истории». Как написано! А! «Посмотрите в глаза истории». Замечательно. Красота.

Пугачев. Уважаемые, до чего я люблю красоту, даже страшно становится. Красота, уважаемые...

Зинка Падеспань. Вольдемар, вы начнете сейчас блевать. Уверю вас.

Пугачев. Я? Пожалуйста. Сколько хотите.

Семен Семенович (*читает*). «Потому что нас всех коснулся очистительный вихрь революции!» Восклицательный знак. С красной строки. (*Переписывает.*)

Клеопатра Максимовна. Мне претит эта скучная, серая жизнь. Я хочу диссонансов, Егор Тимофеевич.

Егорушка. Человек!

Костя. Что прикажете?

Егорушка. Диссонансов. Два раза. Для меня и для барышни.

Костя. Сей минут.

Семен Семенович (*читает*). «Помните, что интеллигенция соль нации и, если ее не станет, вам нечем будет посолить кашу, которую вы заварили». Значит, так:

помните... *(Переписывает.)*

Виктор Викторович. Червячок уже есть, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович. Это вы про кого?

Виктор Викторович. Я вчера вам говорил про Федю Питунина. Замечательный тип, положительный тип, но уже с червячком, Аристарх Доминикович.

Раиса Филипповна. Говорят, что вы были за рубежом?

Виктор Викторович. Был в рабочих кварталах Франции.

Раиса Филипповна. А скажите, во Франции в этом сезоне парижанки какие же груди носят — маленькие или большие?

Виктор Викторович. Кто как может, смотря по средствам.

Клеопатра Максимовна. Между прочим, я так и думала. Ах, Париж... А у нас? Ведь у нас даже дама со средствами сплошь да рядом должна оставаться такой, какова она есть.

Семен Семенович. Дайте волю интеллигенции.

Пугачев. Дайте ванную. Дайте ванную. Маргарита Ивановна, дайте ванную.

Маргарита Ивановна. Для чего?

Пугачев. Мы сейчас проституток в ней будем купать.

Семен Семенович. Восклицательный знак. Вот за что я, товарищи, умираю. Подпись.

Пугачев начинает плакать.

Зинка Падеспань. Что случилось? О чем вы, Никифор Арсентьевич?

Пугачев. Заболел я. Тоска у меня... по родине.

Аристарх Доминикович. Как по родине? Вы какой же национальности?

Пугачев. Русский я, дорогие товарищи.

Семен Семенович. Разлюбезные граждане, что я могу?..

Голоса. Что такое?

Семен Семенович. Нет, вы знаете, что я могу? Нет, вы знаете, что я могу? Я могу никого не бояться, товарищи. Никого. Что хочу, то и сделаю. Все равно умирать. Все равно умирать. Понимаете? Что хочу, то и сделаю. Боже мой! Все могу. Боже мой! Никого не боюсь. В первый раз за всю жизнь никого не боюсь. Захочу вот — пойду на любое собрание, на любое, заметьте себе, товарищи, и могу председателю... язык показать. Не могу? Нет, могу, дорогие товарищи. В том все дело, что все могу. Никого не боюсь. Вот в Союзе сто сорок миллионов, товарищи, и кого-нибудь каждый миллион боится, а я никого не боюсь. Никого. Все равно умирать. Все равно умирать. Ой, держите, а то я плясать начну. Я сегодня над всеми людьми владычествую. Я — диктатор. Я — царь, дорогие товарищи. Все могу. Что хочу, то и сделаю. Что бы сделать такое? Что бы сделать такое со своей сумасшедшей властью, товарищи? Что бы сделать такое, для всего человечества... Знаю. Знаю. Нашел. До чего это будет божественно, граждане. Я сейчас, дорогие товарищи, в Кремль позвоню. Прямо в Кремль. Прямо в красное сердце советской республики. Позвоню... и кого-нибудь там... изругаю по-матерному. Что вы

скажете? А? *(Идет к автомату.)*

Аристарх Доминикович. Ради бога!

Клеопатра Максимовна. Не надо, Семен Семенович.

Отец Елпидий. Что вы делаете?

Маргарита Ивановна. Караул!

Семен Семенович. Цыц! *(Снимает трубку.)* Все молчат, когда колосс разговаривает с колоссом. Дайте Кремль. Вы не бойтесь, не бойтесь, давайте, барышня. Ктой-то? Кремль? Говорит Подсекальников. Под-се-каль-ни-ков. Индивидуум. Ин-ди-ви-ду-ум. Позовите кого-нибудь самого главного. Нет у вас? Ну, тогда передайте ему от меня, что я Маркса прочел и мне Маркс не понравился. Цыц! Не перебивайте меня. И потом передайте ему еще, что я их посылаю... Вы слушаете? Боже мой. *(Остолбенел. Выронил трубку.)*

Аристарх Доминикович. Что случилось?

Семен Семенович. Повесили.

Виктор Викторович. Как?

Отец Елпидий. Кого?

Семен Семенович. Трубку. Трубку повесили. Испугались. Меня испугались. Вы чувствуете? Постигаете ситуацию? Кремль — меня. Что же я представляю собою, товарищи? Это боязно даже анализировать. Нет, вы только подумайте. С самого раннего детства я хотел быть гениальным человеком, но родители мои были против. Для чего же я жил? Для чего? Для статистики. Жизнь моя, сколько лет издевалась ты надо мной. Сколько лет ты меня оскорбляла, жизнь. Но сегодня мой час настал. Жизнь, я требую сатисфакции.

Бьет 12 часов. Гробовое молчание.

Маргарита Ивановна. Собирайтесь, Семен Семенович.

Семен Семенович. Как, уже? А они не вперед у вас, Маргарита Ивановна?

Маргарита Ивановна. Нет, у нас по почтамту, Семен Семенович.

Пауза.

Александр Петрович. Что же, присядемте, по обычаю.

Все садятся. Пауза.

Семен Семенович. Ну, прощайте, товарищи. *(Идет к выходу. Возвращается, берет бутылку, прячет в карман.)* Извиняюсь, для храбрости. *(Идет к выходу.)*

Официант. Приходите опять к нам, Семен Семенович.

Семен Семенович. Нет, теперь уже вы приходите ко мне. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната в квартире Подсекальников.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Серафима Ильинична сбивает в стакане гоголь-моголь.

Серафима Ильинична (*поет*).

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
И непрерывно гром гремел,
И в дебрях буря бушевала.

Серафима Ильинична и Мария Лукьяновна (*из другой комнаты*).

И непрерывно гром гремел,
И в дебрях буря бушевала.

Серафима Ильинична. «Вы спите, юные...»

Мария Лукьяновна (*из другой комнаты*). Мама? Мамочка!

Серафима Ильинична. Что тебе?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Мария Лукьяновна с керосиновой лампой в руках.
В ламповое стекло воткнуты щипцы для завивки волос.*

Мария Лукьяновна. Как, по-твоему, Сенечке лучше понравится: мелкой зыбью завиться или крупными волнами?

Серафима Ильинична. Разве, Машенька, догадаешься?

Мария Лукьяновна. Как же все-таки быть?

Серафима Ильинична. Я тебе посоветую, Машенька, так: сделай спереди мелко, а сзади крупно, вот и будет без промаха. (*Поет.*) «Вы спите, юные...»

Мария Лукьяновна. Он, наверное, скоро вернется, мамочка, ты живей растирай.

Серафима Ильинична. Я и так, как динамо-машина, работаю — два желтка наvertела на полный стакан.

Мария Лукьяновна. До чего он любитель до гоголя, страсть.

Серафима Ильинична. Пусть уж нынче полакомится. (*Поет.*)

Вы спите, юные герои.

Друзья, под бурю ревущей...

Мария Лукьяновна. Как ты, мамочка, думаешь — он на место устроится или нет?

Серафима Ильинична. А то как же? Теперь непременно устроится.

Мария Лукьяновна. Скажут — нету работы, и кончен бал.

Серафима Ильинична. Разве может в России не быть работы, да у нас ее хватит хоть на все человечество, только знай поворачивайся.

Мария Лукьяновна. По какой же причине не все работают?

Серафима Ильинична. По причине протекции.

Мария Лукьяновна. Почему ж это так?

Серафима Ильинична. Потому что в России так много работы, что для каждого места не хватает протекции. Скажем, место имеется, а протекции нет, вот оно и пустует от этого, Машенька. А уж если у Сенечки есть протекция, то работа отыщется — будь покойна.

Мария Лукьяновна. Неужели мы, мама, опять заживем.

Серафима Ильинична. Заживем, обязательно заживем. *(Поет.)*

Заутра глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий.

Обе.

Заутра глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий.

Мария Лукьяновна. Это что за письмо?

Серафима Ильинична. Брось, наверное, старое.

Мария Лукьяновна. Нет, не старое... запечатано... и тебе адресовано.

Серафима Ильинична. Ну-ка, Машенька, прочитай.

Мария Лукьяновна. Что такое? *(Читает.)* «Многоуважаемая Серафима Ильинична, когда вы прочтете это письмо, меня уже не будет в живых. Предупредите поосторожней Машу».

Серафима Ильинична. Боже праведный!

Мария Лукьяновна. Погоди. *(Читает.)* «Пальто мое демисезонное и портсигар отправьте брату в Елец. Семен». Как же это возможно? Да что ж это? Батюшки! *(Падает на кровать. Рыдает.)*

Серафима Ильинична. Маша! Машенька! Ну, не плачь, ради бога, не плачь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Распахнув двери, входят Гранд-Скубик, отец Елпидий, Калабушкин, модистка, портниха, Маргарита Ивановна.

Отец Елпидий. Плачьте, плачьте, вдова Подсекальникова. Обнимите детей своих и взывайте с рыданием: «Где ваш папочка? Нету папочки. Нету папочки и не будет».

Александр Петрович. И не было.

Отец Елпидий. Чего?

Александр Петрович. Папочки не было, я говорю.

Отец Елпидий. Почему?

Александр Петрович. Потому что деточек не было.

Отец Елпидий. Не было. Вот так фунт! Ничего не поделаешь — промахнулся. Нету папочки, значит, и не было. Плачьте, плачьте, вдова Подсекальникова...

Аристарх Доминикович. Лучше после об этом, отец Елпидий. Дайте я. Дорогая Мария Лукьяновна, разрешите мне обратиться к вам с маленькой просьбой от имени русской интеллигенции. Муж ваш умер, но труп его полон жизни, он живет среди нас, как общественный факт. Давайте же вместе поддерживать эту жизнь. Я кончил. А теперь, Генриетта Степановна, приступите, пожалуйста, к вашим обязанностям.

Модистка. Пардон, мадам. Мадам интересуется обыкновенной соломкой или рисовой, или, может быть, мадам интересуется фетром? Вот опять же вполне элегантная шляпа для похорон.

Мария Лукьяновна. Ничего мне не нужно... зачем это... боже мой...

Маргарита Ивановна. Вы напрасно, Мария Лукьяновна, так относитесь, погребение будет довольно шикарное, для чего же вам выглядеть хуже всех.

Серафима Ильинична. Да откуда шикарное, Маргарита Ивановна? На какие шиши нам его хоронить?

Александр Петрович. Вы об этом не думайте, Серафима Ильинична. От преданья земле до пошивки траура — все шиши эти люди берут на себя.

Портниха. Может быть, мы приступим к примерке, сударыня?

Мария Лукьяновна. Не могу я... не троньте меня... товарищи.

Аристарх Доминикович. Слез не надо, вдова. Муж ваш умер героем — о чем же вы плачете?

Мария Лукьяновна. Жить-то как же мне... господи...

Аристарх Доминикович. Я скажу вам на это, Мария Лукьяновна: живите так же, как умер ваш муж, ибо умер он смертью, достойною подражания.

Портниха (снимая мерку). Длина переда сорок один.

Аристарх Доминикович. Один, совершенно один, с пистолетом в руках, вышел он на большую дорогу нашей русской истории.

Портниха (снимая мерку). Длина зада девяносто четыре.

Аристарх Доминикович. Он упал на нее и остался лежать...

Серафима Ильинична. Где остался лежать?

Александр Петрович. На дороге истории, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Это где же такое? Далеко от нас?

Александр Петрович. Да, довольно порядочно.

Аристарх Доминикович. И остался лежать страшным камнем всеобщего преткновения.

Портниха. Или, может быть, вы обожаете рюшики?

Аристарх Доминикович. Пусть же тот, кто шагает по этой дороге, Мария Лукьяновна, споткнется сегодня о труп Подсекальникова.

Модистка. Вот прекрасная шляпка фасон фантази, можно сделать из крепа поля колокольчиком.

Аристарх Доминикович. И когда он споткнется, Мария Лукьяновна, он, конечно, посмотрит под ноги, и когда он посмотрит под ноги, он, конечно, увидит нас. И

мы скажем ему...

Модистка. Разрешите прикинуть на вас, сударыня.

Аристарх Доминикович. Вы, шагающий по дороге истории государственный муж и строитель жизни, посмотрите поглубже на труп Подсекальниково.

Серафима Ильинична. Глубже, глубже.

Маргарита Ивановна. И набок.

Модистка. Вот так. Восхитительно.

Аристарх Доминикович. И тогда он посмотрит и спросит нас: «Что же он означает, сей труп Подсекальниково?» И мы скажем ему: «Это наша рецензия на вашу работу».

Портниха. Вы хотите гофрэ или, может быть, клешики?

Аристарх Доминикович. Да, супруг ваш скончался героем, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. А скажите, нельзя и гофрэ, и клешики?

Аристарх Доминикович. Честь и слава супругу вдовы Подсекальничковой, честь и слава жене дорогого покойника!

Серафима Ильинична. А он где же находится?

Аристарх Доминикович. Это нужно узнать в отделении милиции. Мы сейчас вас покинем, Мария Лукьяновна, но вернемся опять. Мы теперь не оставим вас в вашем несчастье. Я не плакал, когда умерла моя мать, моя бедная мама, Мария Лукьяновна. А сейчас... а сейчас... разрешите, я вас поцелую от имени всех присутствующих. *(Целует.)*

Александр Петрович. Разрешите, и я.

Маргарита Ивановна. Александр!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. До чего симпатичные господа. Значит, есть еще люди хорошие, Машенька.

Мария Лукьяновна. Люди, мамочка, есть, а Семена нету.

Серафима Ильинична. Нет родимого! Нет сердешного! А примерка тебе на когда назначена?

Мария Лукьяновна. Нынче в три. У нее. Вот и адрес на карточке.

Серафима Ильинична. Ателье-мастерская мадам Софи. Дорогая, наверное.

Мария Лукьяновна. Ясно, что не дешевая, по ухваткам видать.

Серафима Ильинична. Ты бы, Машенька, шляпку сняла, истреплется.

Мария Лукьяновна. Пусть истреплется. Ничего мне не жалко на свете, мамочка. Все равно мне не жить. Для чего мне нужна моя жизнь окаянная, если полного счастья ни разу не было. Сеня был — шляпы не было, шляпа стала — Семена нет. Господи! Почему же ты сразу всего не даешь?

Стук в дверь.

Серафима Ильинична. Кто там?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

*Два подозрительных типа вносят в комнату
безжизненное тело Семена Семеновича.*

Мария Лукьяновна. Мамочка! Боже!

Серафима Ильинична. Святые угодники! Вот сюда опускайте его, сюда!

Мария Лукьяновна. Сеня, милый, да что ж ты наделал, Сенечка.

Первый. Ничего не попишешь — абсурд судьбы.

Второй. Так сказать, не застигнут на четверть минуточки.

Серафима Ильинична. Неужели вы видели?

Второй. Все как есть.

Первый. Поначалу, действительно, мы не заметили, но потом он, действительно, говорит: «Отвезите меня, говорит, по адресу». Ну и что же вы думаете? Только мы от него отошли немножко, он заходит за дерево, постоял да как ахнет — и брык с катушек. Мы, конечно, обратно, но поздно, действительно. Подбежали, лежит он — ни бе ни ме.

Второй. Так сказать, приведен в состояние духа.

Мария Лукьяновна плачет.

Первый. Долго будет она убиваться, по-вашему, или нет?

Серафима Ильинична. Дай-то бог через год, через два очухается.

Первый. Через год, через два. Это нас не устраивает. Мы уж лучше пойдем.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Серафима Ильинична, Мария Лукьяновна. Тело Семена Семеновича.

Мария Лукьяновна. Не сумели мы с мамой тебя уберечь, вот ты и умер, Семен Семенович.

Семен Семенович. Умер, кто умер? Я умер. Ой, держите меня!

Обе. Караул!

Семен Семенович. Ой, держите, держите! Лечу, лечу! Осанна! Осанна!

Мария Лукьяновна. Сеня! Сеня!

Серафима Ильинична. Семен Семенович!

Семен Семенович. Кто со мной разговаривает?

Мария Лукьяновна. Это я, Мария.

Семен Семенович. Мария? Это какая Мария? Бога слово родшая? Сущя Богородица? Сущя Богородица, я не виновата.

Мария Лукьяновна. Что ты, Сенечка? Это я, бог с тобой!

Семен Семенович. Бог со мной. Извиняюсь, я вас не узнал. Разрешите представиться: душа Подсекальников.

Мария Лукьяновна. Он с ума сошел, мамочка.

Серафима Ильинична. Где вы были, Семен Семенович? Что вы делали?

Семен Семенович. Я страдала.

Серафима Ильинична. Как страдала?

Семен Семенович. Отче наш, вы не думайте, что я вру. У меня есть все данные на царство небесное. Отче наш, прикажите, я буду плясать и петь. *(Поет.)* «Слава в вышних Богу и на земле, мир и...»

Серафима Ильинична. Вы придите в себя. Очухайтесь.

Семен Семенович. Отче наш...

Серафима Ильинична. Я не отче, я теща, Семен Семенович.

Семен Семенович. Кто?

Серафима Ильинична. Теща ваша, Семен Семенович.

Семен Семенович. Теща? Вот тебе раз. Вы когда же скапустились, Серафима Ильинична?

Мария Лукьяновна. Это бред. Он, наверное, ранил себя куда-нибудь. *(Наклоняется над ним.)* Сеня, милый, ты ра... Фу...

Серафима Ильинична. Что такое?

Мария Лукьяновна. Понюхай его, пожалуйста.

Серафима Ильинична. Поздравляю вас. Здравствуйте. Где же вы нализались, Семен Семенович?

Семен Семенович. Честнейшая херувим и славнейшая без сравнения Серафима Ильинична, где здесь можно зачислиться в сонм? Вы не знаете?

Мария Лукьяновна. Что ты скажешь. Опять балаган начинается.

Серафима Ильинична. Дай графин. Обливай ему, Машенька, голову. Лей смелее. Не бойся, не бойся, окачивай.

Семен Семенович. Где я?.. Батюшки... это этот свет или тот?

Серафима Ильинична. Этот, этот.

Мария Лукьяновна. Ты что же придумал, бессовестный? Сам оставил записку, что уходишь застреливаться, а сам водки накушался вместо этого. Ах ты, сукин ты сын. Ты меня до агонии чуть не довел. Я здесь плачу, рыдаю со своим малокровием...

Семен Семенович. Погоди.

Мария Лукьяновна. Нет уж, ты погоди. Я здесь плачу, рыдаю со своим малокровием и хожу в положении безутешной вдовы, а ты вовсе не умер и даже пьянствуешь. Что же, ты хочешь живой меня в гроб уложить? Почему ты

молчишь? Отвечай, когда спрашивают!

Семен Семенович. Погоди.

Мария Лукьяновна. Ну?

Семен Семенович. Сколько времени, а?

Мария Лукьяновна. Сколько времени — два часа.

Семен Семенович. Два часа. Как же это случилось такое? Господи! Я же должен в двенадцать, в двенадцать, Машенька. Стой! Когда я сюда пришел?

Серафима Ильинична. Вы не шли, вас тащили, Семен Семенович.

Семен Семенович. Кто тащил?

Серафима Ильинична. Два каких-то мужчины противной наружности.

Семен Семенович. Два мужчины... действительно... было... как будто бы... на бульваре... подсели... и вместе... из горлышка.

Мария Лукьяновна. Ты уж прямо из горлышка хлещешь, бесовестный!

Семен Семенович. Я для храбрости, Машенька, пил, для храбрости. Все для храбрости, Машенька, пил и пил. А с последней бутылкой зашел за дерево, думал — выпью последнюю и смогу. Выпить выпил, а смочь не смог.

Мария Лукьяновна. Для чего ты затеял всю эту комедию? Чем тебе не жилось?

Семен Семенович. Приходил сюда кто-нибудь или нет?

Серафима Ильинична. Очень даже, скажу вам, нарядная публика.

Семен Семенович. Ну и что же она?

Серафима Ильинична. Говорила слова, выражала сочувствие.

Мария Лукьяновна. Все расходы берем, говорят, на себя, муж ваш умер героем, Мария Лукьяновна.

Серафима Ильинична. Как же мы им в глаза теперь будем смотреть?

Мария Лукьяновна. Ведь они все расходы обратно потребуют.

Серафима Ильинична. В это время ей, может быть, траур шьют. И какая портниха. Мадам Софи... Это встанет в копейку, Семен Семенович.

Мария Лукьяновна. Вдруг они еще, к нашему счастью, не начали. Едем, мама, к Софи.

Семен Семенович. Подождите еще, ведь не все потеряно. Я еще застрелюсь.

Мария Лукьяновна. Ты опять мне, Семен, балаган устраиваешь. Идем, мама, к Софи.

Семен Семенович. Застрелюсь, вот увидите — застрелюсь.

Серафима Ильинична. Где уж вам застрелиться, Семен Семенович, вы бы чайник лучше на примус поставили.

Убегают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Семен Семенович один.

Семен Семенович. Не поверили. Не поверили. Даже Маша и та не поверила. Хорошо. Пожалеешь, да как еще, Машенька. Где он? Вот. *(Вынимает револьвер.)* Нужно сразу, не думая, прямо в сердце — и моментальная смерть. *(Приставляет револьвер к груди.)* Моментальная смерть. Или нет. Лучше в рот. В рот моментальнее. *(Вставляет дуло револьвера в рот. Вынимает .)* Буду считать до трех. *(Снова в рот.)* Ас... ва... *(Вынимает.)* Или нет. Буду лучше считать до тысячи. *(Опять в рот.)* Ас... ва... ы... че-ы-и... а... э... э... ээ... э-э... э-э... о-и-и-а... *(Вынимает.)* Нет, уж если считать, то придется в сердце. *(Приставляет револьвер к груди.)* Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... Это трусость — до тысячи... нужно сразу... решительно... До ста — и кончено. Нет... скорей до пятнадцати. Да... сейчас. *(Снова приставляет револьвер к груди.)* Раз, два, три, четыре, пять, семь, восемь, девять, десять... одиннадцать... двенадцать... тринадцать... четырнадцать... Или, может быть, лучше совсем не считать, но зато в рот. *(Дуло в рот. Вынимает.)* В рот... а пуля куда же?.. Сюда вот... в голову. Жалко голову. Ведь лицо в голове, дорогие товарищи. Лучше в сердце. Только надо нащупать. Получше наметиться, где колотится. Вот. Здесь колотится. Ой! Какое большое сердце, где ни тронешь — везде колотится. Ой! Как колотится. Разорвется. Сейчас разорвется. Боже мой! Если я умру от разрыва сердца, я не успею тогда застрелиться. Мне нельзя умирать, мне нельзя умирать. Надо жить, жить, жить, жить... для того, чтобы застрелиться. Не успеть. Не успеть. Ой, задохнусь. Минутку, еще минутку. Бей же, сволочь, да бей же куда ни попадя. *(Револьвер выскальзывает из рук. Падает.)* Опоздал... умираю. Да что ж это, господи...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Два мальчика с огромными венками, завернутыми в бумагу.

Первый мальчик. Что, покойник здесь живет?

Семен Семенович. Кто?

Первый мальчик. Здесь покойник живет или нет, я вас спрашиваю?

Семен Семенович. А вы кто же такие? Зачем вы? Откудова?

Второй мальчик. Мы из «Вечности».

Семен Семенович. Как — из вечности?

Второй мальчик. Из бюро похоронных процессий «Вечность». Получите, пожалуйста.

Ставит венки.

Семен Семенович. Это что?

Мальчики снимают с венков бумагу.

(Читает надписи на лентах.) «Спи спокойно, Семен Подсекальников, ты герой». *(Другой конец.)* «Почитатели твоей смерти». *(Другой венок.)* «Незабвенному Сене, борцу и зятю. Убитая горем теща».

Первый мальчик. Вам венки?

Семен Семенович. Мне... то есть нам.

Первый мальчик. Распишитесь в получении. *(Подает книгу.)* Нет, вот здесь.

Семен Семенович *(читает).* «Шесть надгробных венков получил». *(Расписывается.)*

Мальчики. До свиданья. *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Семен Семенович подходит к венку, расправляет ленту.

На ленте написано по-французски.

Семен Семенович *(читает).* «Раг-до-пе топ Си-топ...» Что такое? Ситоп. Это, верно, не мне. *(Подбегает к двери.)* Стойте, мальчики. *(Пауза.)* Все равно. *(Подходит к другому венку. Читает.)* «Не говорите мне — он умер, он живет. Твоя Раиса». Боже мой! Догадалась. Догадалась, проклятая. Где револьвер? Скорей. *(Поднимает револьвер.)* Говорите, живет? Хорошо. Вот посмотрите, как живет. Вот посмотрите. *(Проставляет револьвер к виску.)* Спи спокойно, Семен Подсекальников, ты герой, ты герой. Ты герой, Подсекальников, спи. *(Опускает руку.)* Герой-то я герой, а вот спать у меня не выходит. Ну, никак не выходит, дорогие товарищи. Потому, что я очень устал, наверное. Очень. Страшно устал. Нужно сесть на немножечко и отдохнуть. Да, да, да. Сесть с газетой и отдохнуть... А потом уже снова со свежими силами. *(Садится. Берет газету. Читает.)* «Международное положение». Международное положение... Какие это, в сущности, пустяки по сравнению с положением одного человека. *(Перевертывает газету, читает.)* «Хроника происшествий». «Восемнадцать лет... кислотой...» Вот оно настоящее международное положение. *(Читает.)* «На углу Семеновской улицы и Барабанного переулка сшиблен трамваем неизвестный гражданин. Труп неизвестного отправлен в покойницкую Филатовской больницы». Вот счастливец! Ну, скажите, пожалуйста, шел, не думал и вдруг попал. А здесь — думаешь, думаешь и не можешь попасть. Потому и не можешь, должно быть, что думаешь. Да, да, да. Я теперь догадался. Надо взять себя в руки, отвлечься от этого, все забыть, рассмеяться, прийти в настроение, а потом как трамваем наехать, и кончено. Да, да, да. Взять представить себе, что все чудно,

прекрасно, хорошо, замечательно, и что вот ты идешь и как будто не думаешь, может быть, напеваешь чего-нибудь. Да, да, да, напеваешь какую-то песенку. *(Начинает петь.)*

Целует нас мама, свернувши в пеленки,
Целует иная родня,
Когда подрастем, нас целуют девчонки
Средь ночи и белого дня.

Черт возьми, как хорошо — тромбон. Трамвай начинает идти. *(Приближает вытянутую руку с револьвером к виску.)* Сколько прелести в... *(Останавливает руку.)* Сколько прелес... Нет, не могу. Сколько пре... Не могу. Черт возьми, как хорошо — тромбон... Черт во... Тьфу ты, черт! Ну, никак не могу!

Голос за дверью: «Заворачивай веселей. Веселей заворачивай».

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Трое мужчин вносят в комнату гроб.

Первый. На себя, на себя! Да куда же вы тыркаетесь? Ставь на стол.

Гроб ставят на стол.

Все в порядке. Доставили.

Семен Семенович. Очень вам благодарен. Большое спасибо.

Первый. Сам-то где?

Семен Семенович. Ктой-то сам?

Первый. Подсекальников. Упокойник.

Семен Семенович. Вот он.

Первый. Где?

Семен Семенович. Что я, нету его еще, но он будет... на этих минутах, наверное.

Первый. Жалко вам упокойника?

Семен Семенович. Ой, как жалко, товарищи!

Первый. Вот я тоже жалею всегда упокойников. На чаек с вашей милости.

Семен Семенович. Ради бога, пожалуйста.

Первый. Ну, счастливо вам справиться.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Несколько мгновений Семен Семенович пребывает в полной неподвижности, потом направляется к гробу, обходит его кругом, заглядывает внутрь,

поправляет подушку и расставляет вокруг гроба венки. Затем вытаскивает из кармана револьвер и приставляет дуло к виску. Опускает руку. Подходит к зеркалу, занавешивает его черным. Снова приставляет дуло к виску. Пауза.

Семен Семенович. Почему-то ученые до сих пор не дошли, чтобы мог человек застрелиться, не чувствуя. Например, застрелиться под хлороформом. А еще называются благодетели человечества. Сукины дети. Боже праведный! Господи! Жизнеподатель! Дай мне силы покончить с собой. Ты же видишь, что я не могу. Ты же видишь.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

В комнату вбегают Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Мария Лукьяновна. Идут!

Семен Семенович. Кто идут?

Мария Лукьяновна. Все идут! *(Выбегает из комнаты.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Семен Семенович мечется по комнате. Слышен шум толпы.

Семен Семенович. Боже мой! Боже мой!

Шум приближается.

Боже мой! *(Вскакивает на стол.)* Боже мой! *(Прыгает в гроб.)*

Шум приближается.

Пережду, а как только уйдут — конец. Раз — и кончено. *(Ложится в гроб.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В раскрытых дверях появляются: Гранд-Скубик, Пугачев, Калабушкин, Маргарита Ивановна, Раиса Филипповна, отец Елпидий, Егорушка, Зинка Падеспань, Груня, дьякон, церковные певчие. Все в трауре, у многих в руках цветы. Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична обе спиной к зрителям, в ужасе простирая руки, сдерживают толпу.

Мария Лукьяновна. Вы войдите сначала в его положение. Ведь людям-то не

хочется умирать. Умирать-то не хочется. Кто ж, товарищи, виноват?

Аристарх Доминикович. Виноваты другие, Мария Лукьяновна, а не мы.

Серафима Ильинична. Разве мы вас виним, дорогие товарищи?

Мария Лукьяновна. Я вас, граждане, только хотела спросить: как же вы относительно мужа со мной поступите?

Аристарх Доминикович. Мы заменим вам мужа, Мария Лукьяновна, общими силами.

Семен Семенович (*в гробу*). Этого еще не доставало.

Мария Лукьяновна. А заранее знать мы не знали, товарищи, пусть он сам засвидетельствует. Сеня. Се... (*Увидела Семена Семеновича в гробу.*) А!

Аристарх Доминикович. Стул вдове! Поскорее, Егор Тимофеевич!

Серафима Ильинична (*подбегая к Марии Лукьяновне*). Что ты? (*Заметила Семена Семеновича в гробу.*) Мамочки...

Пугачев. И второй захватите. Под тещу понадобился.

*Егорушка приносит два стула. Вокруг вдовы и тещи хлопочет группа людей.
Другая группа направляется к гробу.*

Маргарита Ивановна. Как живой!

Зинка Падеспань. Только носик заострился.

Мария Лукьяновна. А-а-а. Пустите, пустите меня к нему! Он не умер, он только немножечко выпимши. Он проспится и встанет, Егор Тимофеевич.

Егорушка. Успокойтесь, не встанет, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна. Он живой, он живой, уверяю вас, граждане.

Раиса Филипповна. Как кричит...

Груня. На мозги повлияло, наверное.

Аристарх Доминикович. Вы ее отведите в соседнюю комнату.

Мария Лукьяновна. Сеня! Сеня!

Серафима Ильинична. Проснитесь, Семен Семенович...

Зинка Падеспань. И старушка туда же, скажите пожалуйста.

Александр Петрович. Прихватите и тещу, Егор Тимофеевич.

Мария Лукьяновна. Он живой! Он живой!

Егорушка уводит Марию Лукьяновну и Серафиму Ильиничну в соседнюю комнату.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Груня. Что из дамочки сделалось.

Маргарита Ивановна. Прямо в голос скучает, обратите внимание.

Голос Марии Лукьяновны (*из соседней комнаты*). Он живой, он живой...

Раиса Филипповна. Как страдает, бедняжечка.

Александр Петрович. С непривычки всегда так, Раиса Филипповна, а потом

придается. Я ведь тоже недавно жену схоронил. Даже ночи не спал. Вот хотите, спросите Маргариту Ивановну.

Маргарита Ивановна. Александр!

Голос Марии Лукьяновны. Сеня, Сеня! Проснись!

Груня. До чего убивается...

Зинка Падеспань. Побежимте посмотримте, как убивается, интересно, наверное.

Все женщины устремляются в соседнюю комнату.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

*Аристарх Доминикович, Александр Петрович, отец Елпидий,
Пугачев, Виктор Викторович.*

Александр Петрович. Нет! Минуточку. Разрешите задать вам нескромный вопрос. Вы когда же со мной рассчитаться намерены?

Пугачев. Рассчитаться? За что?

Александр Петрович. Как — за что? За покойника. Человек на столе — значит, деньги на бочку. Арифметика ясная.

Аристарх Доминикович. Вы все деньги и деньги, товарищ Калабушкин, а идея для вас не имеет значения?

Александр Петрович. Хороша та идея, которая кормит, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович. Кормит только господствующая идея. Дайте сделаться нашей идее господствующей, и она вас прокормит, товарищ Калабушкин.

Виктор Викторович. Борьба за идею — борьба за хлеб.

Александр Петрович. Лучше меньше идей и побольше хлеба. Рассчитывайтесь, товарищи.

Аристарх Доминикович. Но позвольте, вы всех поручений не выполнили.

Александр Петрович. Как же так?

Аристарх Доминикович. Вы с предсмертной записки размножили копии?

Александр Петрович. Машинистка работает, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович. Ну, тогда приступите к распространению. Выстрел грянул, пускай его слышат тысячи.

Отец Елпидий. Значит, вы уповаете на большой резонанс?

Аристарх Доминикович. Уповать уповаю, отец Елпидий, но немного боюсь. Нужно прямо сознаться, дорогие товарищи, что покойник у нас не совсем замечательный. Если б вместо него и на тех же условиях застрелился бы видный общественный деятель, скажем, Горький какой-нибудь или нарком. Это было бы лучше, дорогие товарищи.

Семен Семенович (*в гробу*). Это было бы просто прекрасно, по-моему.

Виктор Викторович. Вы напрасно так думаете. Нам не важен покойник как таковой. Нам гораздо важнее сервировка покойника. Важно то, как подать его,

Аристарх Доминикович. Я вчера разговаривал с Федей Питуниным. Как я с ним разговаривал. Я ему сочинил своего Подсекальникова. Сочинил и влюбил в него Федю Питунина. А теперь, когда наш Подсекальников мертв, что он может сказать о моем сочинении. Только «с подлинным верно», Аристарх Доминикович. Смерть сама по себе не имеет значения. Заражает не смерть, а причина смерти, а причину мы можем любую выдумать.

Аристарх Доминикович. Нужно вызвать, товарищи, шепот общности. Это самое главное.

Отец Елпидий. Мы дня на три поставим его в часовню и устроим прощание.

Аристарх Доминикович. Очень правильный ход. (*Александру Петровичу.*) Отправляйтесь за факельщиками.

Александр Петрович уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Отец Елпидий, Аристарх Доминикович, Пугачев, Виктор Викторович, дьякон и певчие.

Отец Елпидий. Что ж, приступим.

Дьякон. Приступим, отец Елпидий. Благослови, владыко.

Пугачев. Начинают, пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Егорушка, Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична, Груня, Зинка Падеспань, Маргарита Ивановна, Раиса Филипповна.

Отец Елпидий. Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков.

Хор. А-минь.

Мария Лукьяновна. Как же это? Живого. Да что же вы делаете?

Дьякон. Миром Господу помолимся.

Мария Лукьяновна. Что вы делаете? Не держите меня.

Хор. Господи, помилуй!

Серафима Ильинична. Караул!

Дьякон. О свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся.

Хор. Господи, помилуй!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Несколько женщин и мужчин заглядывают в дверь. Между ними — глухонемой.

Маргарита Ивановна. Вы смотреть? Не стесняйтесь, заходите, товарищи.

Все входят. Глухонемой встает у гроба. Зажигает свечку.

Дьякон. Об оставлении согрешений во блаженной памяти преставившегося раба Божия Симеона, Господу помолимся.

Мария Лукьяновна. Что вы делаете?

Хор. Господи, помилуй!

Мария Лукьяновна. Милиция!..

Дьякон. О приснопамятном рабе Божиим Симеоне покая...

Мария Лукьяновна. Милиция!

Дьякон. Окна, окна закройте. Тишины, блаженные памяти его. Господу помолимся.

Хор. Господи, помилуй!

Дьякон. И простите ему всякое прегрешение...

Аристарх Доминикович. На минуточку, батюшка. Слово Божие свято, отец Елпидий, но, учитывая аудиторию, вы уж лишнее выкиньте, сократите немножко.

Отец Елпидий. Сократить — это можно, Аристарх Доминикович. *(Подходит к певчим. Шепчет.)*

Хор. Господи, помилуй!

Мария Лукьяновна. Он живой!

Серафима Ильинична. Разбудите его, товарищи!

Дьякон. О избавится нам от всякие скорби, гнева и нужды. Господу помолимся.

Хор. Господи, помилуй!

Мария Лукьяновна. Почему же он, мама, не просыпается?

Отец Елпидий *(скороговоркой)*. Яко ты еси воскресение и живот усопшаго раба твоего, Симеона, Христе Боже наш и тебе славу воссылаем со безначальным твоим Отцем, и со святым и благим и животворящим твоим Духом, ныне и присно и во веки веков.

Хор. А-минь.

Мария Лукьяновна. Он, должно быть, действительно умер, мамочка.

Хор. Со святыми упокой.

Мария Лукьяновна. А-а-а. Дурно. Дурно! Воды!

Все бросаются к Марии Лукьяновне. У гроба остается только не слышавший крика глухонемой. Хор поет. Все хлопочут вокруг Марии Лукьяновны. Глухонемой со свечкой в руке опускается на колени, отвешивает земной поклон. Хор поет. Семен Семенович не выдерживает и, сев в гробу, лезет в карман за платком. В это время глухонемой поднимается с колен, поднимает руку, чтобы перекреститься, откидывает голову и видит сидящего в гробу покойника, который вытирает платком слезы. Глухонемой вскрикивает и падает навзничь.

Голоса. Что случилось?

— Еще один!
Бросаются к нему.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Входит Александр Петрович с факельщиками.

Аристарх Доминикович. Унесите его. Унесите скорей.

Факельщики берут гроб. Уносят. Хор поет.

Мария Лукьяновна (*очнувшись*). Умер. Умер.

*К ней подбегает глухонемой, в ужасе показывает жестами то, что он видел.
Вынимает платок, прикладывает его к глазам.*

Жалко? Плачете? А уж мне-то как жалко, и сказать не могу. (*Обнимает глухонемого.*)

Пение.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Кладбище. Возле кучи земли свежерытая яма.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Александр Петрович, Аристарх Доминикович, Виктор Викторович.

Александр Петрович. Вот отсюда, отсюда смотрите, товарищи. Как вам нравится?

Аристарх Доминикович. Я считаю, что место довольно приличное.

Александр Петрович. Да уж что говорить, Аристарх Доминикович, как себе выбирал.

Аристарх Доминикович. Между прочим, я все собираюсь спросить: приглашенья разосланы?

Александр Петрович. Всем разосланы.

Виктор Викторович. Нет, не всем.

Аристарх Доминикович. Как — не всем?

Виктор Викторович. Мы совсем позабыли о Феде Питунине. Нужно было ему

приглашение послать.

Аристарх Доминикович. Так о чем же вы думали?

Виктор Викторович. Я, к несчастью, не видел его два дня, не до этого было, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович. Ну не так это важно, в конце концов.

Виктор Викторович. Что же важно, по-вашему?

Аристарх Доминикович. Самое важное — чтобы заговорило общественное мнение.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мимо могилы проходят две старухи.

Первая. Ах, я дурочка старая.

Вторая. Что такое?

Первая. Как же я пропустила, скажите пожалуйста, свежую вырыли.

Вторая. Нет, я утром заметила; я как в церковь трепала еще — заметила.

Первая. Кто же это преставился?

Вторая. Наш приходский мужчина один преставился. Серафимы Ильиничны зять, Подсекальников.

Первая. Как же я пропустила, скажите пожалуйста.

Вторая. Двое суток в часовне у нас простоял. Я намедни ходила смотрела с Панкратьевной.

Первая. И Панкратьевна видела?

Вторая. Уж мы плакали, плакали...

Первая. Как же я пропустила, скажите пожалуйста. А с чего он преставился?

Вторая. Сам себя порешил.

Первая. Ах ты, ужас какой. Как же я пропустила, скажите пожалуйста. Да с чего ж он себя порешил, Борисьевна?

Вторая. С чего? Это ясно с чего.

Первая. Это верно, что ясно. Скажите пожалуйста. Так, так, так.

Уходят.

Аристарх Доминикович. Общественное мнение заговорило. Идем.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Проходят еще две старушки.

Первая. Не весело стало у нас на кладбище, нет, не весело. И гулянье не то, и

покойников интересных нету.

Вторая. В наше время покойники что дрова — жгут их, матушка.

Первая. Потому что о будущем не заботятся, вот и жгут. А придет воскресение, воскресать-то и нечем. Ох, ох, ох, ах, ах, ах, а уж дело-то сделано.

Вторая. Вот тогда посмеемся над ними, Панкратьевна.

Проходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вбегают Клеопатра Максимовна, таща за руку Олега Леонидовича.

Клеопатра Максимовна. Вот.

Олег Леонидович. Что — вот?

Клеопатра Максимовна. Здесь.

Олег Леонидович. Что здесь?

Клеопатра Максимовна. Здесь его похоронят.

Олег Леонидович. Кого похоронят?

Клеопатра Максимовна. Олег, я признаюсь тебе... я убийца. Я убийца, Олег. Олег, обнимите меня, мне страшно.

Олег Леонидович. Будет вам, Клеопатра Максимовна, полноте.

Клеопатра Максимовна. Олег, вы какой-то такой, вы особенный, вы меня не осудите. Олег, я убила его.

Олег Леонидович. Кого?

Клеопатра Максимовна. Подсекальников. Олег, он хотел мое тело, он хотел меня всю, но я говорила: «Нет». И вот он лишил себя жизни из-за меня. Олег, я убийца! Мне страшно, Олег. Везите меня к себе.

Олег Леонидович. Лучше я вас домой отвезу, Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна. Олег, я признаюсь тебе: моя мама была цыганкой. Ее тело лишало ума, как гром. С пятнадцати лет я стала вылитой матерью. Помню, в Тифлисе я поехала на извозчике покупать себе туфли, и что же ты думаешь, приказчик сапожного магазина не сумел совладать с собой и так укусил меня за ногу, что меня увезли в больницу. С тех пор я ненавижу мужчин. Потом меня полюбил иностранец. Он хотел одевать меня во все заграничное, но я говорила: «Нет!» Тогда меня стал обожать коммунист. Мой бог, как он меня обожал. Он сажал меня на колени и говорил: «Капочка, я открою перед тобой весь мир, едем в Алупку». Но я говорила: «Нет!» И он проклял меня и вышел из партии. Потом меня захотел один летчик. Но я рассмеялась ему в лицо. Тогда он поднялся над городом и плакал на воздухе, пока не разбился. И вот теперь Подсекальников. Женщины падали перед ним как мухи, Раиса грызла от страсти стаканы и дежурила возле его дверей, но он хотел только меня. Он хотел мое тело, он хотел меня всю, но я говорила: «Нет!» Вдруг — трах, и юноши не стало. С тех пор я возненавидела свое тело, оно пугает меня, я не могу оставаться с ним. Олег, возьмите его себе!

Олег Леонидович. Видите ли... Клеопатра Максимовна... Дело в том...

Отец Елпидий *(за сценой)*. И сотвори ему вечную память!

Клеопатра Максимовна. Боже мой. Это он. Ой, мне плохо. Держите меня, Олег. Крепче, крепче. Олег, я слабею. Это выше меня. Олег, я не в силах противоборствовать. Я буду сейчас вырываться на похороны. Олег, ты не должен меня отпускать. Крепче, крепче. Пустите меня, пустите. Хорошо, я поеду.

Олег Леонидович. Куда?

Клеопатра Максимовна. К вам.

Хор *(за сценой)*. Вечная память.

Олег Леонидович. Видите ли, Клеопатра Максимовна, только вы не поймите превратно мои слова, но сегодня мне несколько... неудобно. Дело в том...

Клеопатра Максимовна. Все понятно. Молчи. У тебя Раиса. Олег, я раскрою тебе глаза. Олег, я клянусь тебе перед этой могилой, что Раиса обманщица. Все ее тело построено на фу-фу. Каждое утро она подкладывает ноги под шкаф и делает упражнения животом. А я... Моя мама была цыганка. Я росла и цвела без обмана, как дерево. Олег, увезите меня к себе.

Олег Леонидович. Уверяю вас, Клеопатра Максимовна, что сегодня мне несколько неудобно.

Хор *(за сценой)*. Вечная память.

Клеопатра Максимовна. В таком случае, Олег Леонидович, я знаю, что мне остается сделать. Прощайте! *(Убегает.)*

Олег Леонидович. Клеопатра Максимовна! Капа! Капочка! *(Бросается за ней.)*

Хор *(за сценой)*. Вечная память, вечная память, вечная память.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гроб. Похоронная процессия. Отец Елпидий, дьякон, певчие, Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична, Маргарита Ивановна с кутьей, Аристарх Доминикович, Александр Петрович, Виктор Викторович, Пугачев, Егорушка, Раиса Филипповна, жильцы, проститутки, старухи, гуляющая публика, любопытные, факельщики.

Хор. Вечная память, вечная память.

Аристарх Доминикович. Осторожнее, осторожнее.

Александр Петрович. Гражданин, не пихайте вдову, пожалуйста.

Маргарита Ивановна. Тише, тише кутью.

Егорушка. Да куда же вы лезете?

Первая старушка. Молодой человек, пропустите бабушку.

Егорушка. Вы покойника бабушка?

Первая старушка. Нет, я так.

Егорушка. Ну, тогда вы и здесь постоите, не барыня.

Пугачев. Опускайте.

Александр Петрович. Поставили.

Виктор Викторович. Кто у нас выступает от имени масс?

Аристарх Доминикович. Вот. Егор Тимофеевич.

Виктор Викторович. Начинайте, Егорушка.

Егорушка. Я боюсь.

Александр Петрович. Да чего ж вы боитесь, Егор Тимофеевич, ведь надгробное слово не так уже страшно.

Егорушка. Как же слово не страшно. Слово не воробей, выпустишь — не поймаешь, так вот, значит, выпустишь — не поймаешь, а за это тебя поймают и не выпустят.

Аристарх Доминикович. Но ведь мы же условились.

Егорушка. Все равно я отказываюсь. И потом, я не знаю, с чего начинать.

Виктор Викторович. У меня есть для вас замечательное начало. Вы начните, Егор Тимофеевич, так: «Не все спокойно в королевстве Датском».

Егорушка. Кто сказал?

Виктор Викторович. Марцелл.

Егорушка. Что ж вы раньше молчали? Чудак вы эдакий. *(Бежит к насыпи.)* Дайте место оратору. *(Взбегает на насыпь.)* Граждане, разрешите мне поделиться с вами радостной новостью. Минуту тому назад до нас дошли сведения от товарища Марцелла, что в королевстве Датском не все спокойно. Поздравляю вас. Между прочим, этого надо было ожидать. Прогнившая система капитализма проявила себя. Кто там дергает?

Виктор Викторович. Что вы порете? Я же вам для начала сказал, понимаете? Вы должны были сразу на покойника перейти.

Егорушка. Не волнуйте оратора. Перейдем. Итак, товарищи, в Дании неспокойно, тем не менее умер один из нас. Но утритесь, товарищи, и смело шагайте вперед, в ногу с покойником. Но вернемся, товарищи, к Дании. Вы опять меня дергаете. Дания — это...

*Аристарх Доминикович, Александр Петрович и
Виктор Викторович стаскивают Егорушку с насыпи.*

Голоса. Что случилось?

— В чем дело?

Александр Петрович. Дорогие друзья. Предыдущий товарищ почувствовал себя плохо. Больше он говорить не может. Слишком свежа эта рана, слишком тяжка потеря — слезы душат его.

Мария Лукьяновна. Ну зачем я живу, ну скажите мне, граждане.

Маргарита Ивановна. После, после, потише, Мария Лукьяновна, не мешайте писателю.

Виктор Викторович.

Что хочешь пей, как хочешь сквернословь,
Он заплатил за всех назначенную цену.

Вся жизнь его была похожа на любовь,
А наша жизнь теперь похожа на измену.

Как было радостно, как было хорошо
Лежать в траве и лазить по сугробам.
Но с этих пор, куда бы я ни шел,
Мне кажется, что я иду за гробом.

Где нет пути — там смерть прекрасный путь.
Бывают дни, когда он виден многим.
Но сколько тысяч вздумало свернуть
С своей единственной и правильной дороги.

Он не свернул, тому порукой кровь.
Он заплатил за всех назначенную цену.
Вся жизнь его была похожа на любовь,
А наша жизнь похожа на измену.

Раиса Филипповна. Очень тонко подмечено.

Егорушка. А-а-а! Я, товарищи, тоже хочу прочитать. Дайте мне.

Александр Петрович. Что вы, что вы! Держите его!

Егорушка. Не трогайте. *(Взбегает на кучу.)* Я сейчас прочитаю стихи на смерть с вовлечением массы в действие. Вы, Мария Лукьяновна, обернитесь сюда и следите за ручкою. Я как ручкой махну, вы скажете «кто». Так вот: «кто». Понимаете? Приготовились. Начали. Стих на смерть моего сочинения, с вовлечением массы в действие.

Из толпы. Тихо...Тс...

Егорушка.

Когда бы он на свете жил

И в учреждении служил,

Он был бы лучшим из начальников. *(Машет рукой.)*

Мария Лукьяновна *(сквозь слезы).* Кто?

Егорушка. Семен Семеныч Подсекальников.

Виктор Викторович. Аристарх Доминикович, говорите скорей. Нужно выправить впечатление.

Аристарх Доминикович. Умер Сеня. Скончался Семен Подсекальников. Я считаю, что смерть Подсекальникова — это первый тревожный сигнал, говорящий о бедствии русской интеллигенции. Только первый сигнал, не забудьте, товарищи, одна ласточка... не делает весны. Нынче он, завтра я. Да, товарищи, завтра я. Берегите интеллигенцию. Я взываю к вам, граждане, берегите ее. Поднимите свой голос в ее защиту и воскликните все, как один человек...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вбегает Клеопатра Максимовна. За ней — Олег Леонидович.

Олег Леонидович. Капа! Капочка!

Раиса Филипповна. Люша!

Олег Леонидович. Раиса Филипповна!

Клеопатра Максимовна. Пропустите, пустите меня к нему!

Голоса. Ктой-то?

— Что с ней?

— Должно быть, родная.

— Сумасшедшая!

Клеопатра Максимовна. Я пришла не прощаться с тобой, а здороваться.

Из толпы. Так и есть, сумасшедшая.

Клеопатра Максимовна. Ты лишил себя жизни из-за меня, и я знаю, что мне остается сделать.

Из толпы. Нет, выходит, нормальная.

Мария Лукьяновна. Извиняюсь, но вы обознались, наверное, это муж мой, сударыня.

Клеопатра Максимовна. Что вы знаете? Он хотел мое тело, он хотел меня всю, но я говорила «нет».

Раиса Филипповна. Врет она, это я говорила «нет».

Клеопатра Максимовна. Он вас даже не спрашивал.

Раиса Филипповна. Вас он спрашивал.

Клеопатра Максимовна. Он хотел мое тело...

Раиса Филипповна. Тоже тело, подумаешь.

Аристарх Доминикович. Тише, тише, товарищи. Здесь не личная драма, Раиса Филипповна, здесь тревожный сигнал, — что вы, сами не знаете? Окруженная недоверием и недоброжелательством, русская интеллигенция...

Виктор Викторович. Ничего подобного. Покойник играл на геликоне. Он был близок к искусству. Он горел, он хотел...

Клеопатра Максимовна. Он хотел мое тело. Тело! Тело!

Пугачев. Мяса, граждане, мяса. Дорогие товарищи, я мясник. Не могу торговать я в такую эпоху. Сил моих нету. Я уж клялся, божился и книги показывал. Нет мне веры, товарищи. Вот народ и стреляется.

Отец Елпидий. Вера есть. Верить негде у нас, православные. Церкви Божии запечатывают.

Пугачев. Что там церкви, когда магазин запечатали.

Аристарх Доминикович. Из-за этого не стреляются. Я был другом покойного. Вы спросите у близких — из-за чего.

Серафима Ильинична. Из-за ливерной колбасы, Аристарх Доминикович.

Пугачев. Из-за ливерной. Правильно. Дорогие товарищи, я мясник...

Раиса Филипповна. Это низкая ревность, Олег Леонидович. Он стрелялся из-за меня.

Клеопатра Максимовна. Тело, тело...

Отец Елпидий. Религии...

Пугачев. Мясо...

Аристарх Доминикович. Товарищи...

Пугачев. Колбаса...

Виктор Викторович. Идеалы...

Аристарх Доминикович. Интеллигенция...

Мария Лукьяновна. Сеня! Сеня!

Серафима Ильинична. Забыли покойника, граждане.

Отец Елпидий. И сотвори ему вечную память.

Хор (поет). Вечная память, вечная память.

Все опускаются на колени, кроме Егорушки. Виктор Викторович уходит.

Маргарита Ивановна. Почему вы, Егор Тимофеич, не молитесь?

Егорушка. В современное время молиться грех.

Отец Елпидий. Ну, прощайтесь с покойником.

Аристарх Доминикович (*опускаясь на колени*). Прости, Семен. (*Целует Подсекальникову в лоб.*)

Семен Семенович (*обнимая Аристарха Доминиковича*). Прости и ты меня, Аристарх. (*Целует его.*)

Аристарх Доминикович. А-а-а! (*Бросается в толпу.*)

Все. Караул!

Семен Семенович (*вылезая из гроба*). Простите и вы меня, дорогие присутствующие.

Мария Лукьяновна. Сеня! Сенечка!

Семен Семенович. Маргарита Ивановна! (*Бросается к ней.*)

Маргарита Ивановна (*с кутьей в руках*). Чур меня, сатана! Что ты хочешь?

Семен Семенович. Рису, рису мне, Маргарита Ивановна, дайте рису. (*Вырывает кутью.*) Товарищи, я хочу есть. (*Ест.*) Ночь, и еще ночь, и еще день пролежал я в этом гробу. И только один раз удалось мне выбраться из часовни и купить себе пару булок. Товарищи, я хочу есть. Но больше, чем есть, я хочу жить.

Аристарх Доминикович. Но позвольте... как жить?

Семен Семенович. Как угодно, но жить. Когда курице отрубают голову, она бежит по двору с отрубленной головой, пусть как курица, пусть с отрубленной головой, только жить. Товарищи, я не хочу умирать: ни за вас, ни за них, ни за класс, ни за человечество, ни за Марию Лукьяновну. В жизни вы можете быть мне родными, любимыми, близкими. Даже самыми близкими. Но перед лицом смерти что же может быть ближе, любимей, родней своей руки, своей ноги, своего живота. Я влюблен в свой живот, товарищи. Я безумно влюблен в свой живот, товарищи.

Клеопатра Максимовна. Ну, и этот туда же, за Раисой Филипповной.

Семен Семенович. Я влюблен в свои руки и ноги, товарищи. Ах вы, ножки мои дорогие.

Отец Елпидий. Что же это такое, Мария Лукьяновна?

Аристарх Доминикович. Вы мерзавец. Вы трус, гражданин Подсекальников! То, что вы говорили сейчас, — отвратительно. Нужно помнить, что общее выше личного, — в этом суть всей общественности.

Семен Семенович. Что такое общественность — фабрика лозунгов. Я же вам не о фабрике здесь говорю, я же вам о живом человеке рассказываю. Что же вы мне толкуете: «общее», «личное». Вы думаете, когда человеку говорят: «Война. Война объявлена», вы думаете, о чем спрашивает человек, вы думаете, человек спрашивает — с кем война, почему война, за какие идеалы война? Нет, человек спрашивает: «Какой год призывают?» И он прав, этот человек.

Аристарх Доминикович. Вы хотите сказать, что на свете не бывает героев.

Семен Семенович. Чего не бывает на свете, товарищи. На свете бывает даже женщина с бородой. Но я говорю не о том, что бывает на свете, а только о том, что есть. А есть на свете всего лишь один человек, который живет и боится смерти больше всего на свете.

Александр Петрович. Но ведь вы же хотели покончить с собой.

Аристарх Доминикович. Разве вы нам об этом не говорили?

Семен Семенович. Говорил. Потому что мысль о самоубийстве скрашивала мою жизнь. Мою скверную жизнь, Аристарх Доминикович, нечеловеческую жизнь. Нет, вы сами подумайте только, товарищи: жил человек, был человек и вдруг человека разжаловали. А за что? Разве я уклонился от общей участи? Разве я убежал от Октябрьской революции? Весь Октябрь я из дому не выходил. У меня есть свидетели. Вот я стою перед вами, в массу разжалованный человек, и хочу говорить со своей революцией: что ты хочешь? Чего я не отдал тебе? Даже руку я отдал тебе, революция, правую руку свою, и она голосует теперь против меня. Что же ты мне за это дала, революция? Ничего. А другим? Посмотрите в соседние улицы — вон она им какое приданое принесла. Почему же меня обделили, товарищи? Даже тогда, когда наше правительство расклеивает воззвания «Всем. Всем. Всем», даже тогда не читаю я этого, потому что я знаю — всем, но не мне. А прошу я немногого. Все строительство наше, все достижения, мировые пожары, завоевания — все оставьте себе. Мне же дайте, товарищи, только тихую жизнь и приличное жалованье.

Отец Елпидий. Серафима Ильинична, что вы смотрите? Вы же его теща, заставьте его замолчать.

Александр Петрович. Не давайте ему говорить, товарищи.

Аристарх Доминикович. То, что он говорит, это контрреволюция.

Семен Семенович. Боже вас упаси. Разве мы делаем что-нибудь против революции? С первого дня революции мы ничего не делаем. Мы только ходим друг к другу в гости и говорим, что нам трудно жить. Потому что нам легче жить, если мы говорим, что нам трудно жить. Ради бога, не отнимайте у нас последнего

средства к существованию, разрешите нам говорить, что нам трудно жить. Ну хотя бы вот так, шепотом: «Нам трудно жить». Товарищи, я прошу вас от имени миллиона людей: дайте нам право на шепот. Вы за стройкою даже его не услышите. Уверяю вас. Мы всю жизнь свою шепотом проживем.

Пугачев. То есть как проживем? Это что же такое, друзья, разворачивается? Я молчал, я все время молчал, любезные, но теперь я скажу. Ах ты, жулик ты эдакий, ах ты, чертов прохвост! Ты своими руками могилу нам выкопал, а сам жить собираешься. Ну, держись. Я себя погублю, а тебя под расстрел подведу, грабителя. Обязательно подведу.

Раиса Филипповна. Расстрелять его!

Голоса. Правильно.

Семен Семенович. Маша, Машенька! Серафима Ильинична! Что они говорят? Как же можно... Простите. За что же? Помилуйте! В чем же я виноват? Все, что вы на меня и на них потратили, я верну, все верну, до последней копейки верну, вот увидите. Я комод свой продам, если нужно, товарищи, от еды откажусь. Я Марию заставлю на вас работать, тещу в шахты пошлю. Ну, хотите, я буду для вас христарадничать, только дайте мне жить. *(Встает на колени.)*

Аристарх Доминикович. Какая гадость! Фу!

Семен Семенович *(вскакивая)*. Пусть же тот, кто сказал это «фу», товарищи, пусть он выйдет сюда. *(Вытаскивает револьвер.)* Вот револьвер, пожалуйста, одолжайтесь. Одолжайтесь! Пожалуйста!

Аристарх Доминикович. Что за глупые шутки, Семен Семенович, опустите револьвер. Опустите револьвер, я вам говорю.

Семен Семенович. Испугались, голубчики. Ну, так в чем же тогда вы меня обвиняете? В чем мое преступление? Только в том, что живу. Я живу и другим не мешаю, товарищи. Никому я на свете вреда не принес. Я козявки за всю свою жизнь не обидел. В чьей я смерти повинен, пусть он выйдет сюда.

Раздается траурный марш.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вбегает Виктор Викторович.

Виктор Викторович. Федя Питунин застрелился. *(Пауза.)* И оставил записку.

Аристарх Доминикович. Какую записку?

Виктор Викторович. «Подсекальников прав. Действительно жить не стоит».

Траурный марш.

Занавес.